

902.6(с17)

П-26

МОЛОТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. М. ГОРЬКОГО

ДОКЛАДЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
ВЫПУСК 1—4

П Е Р В О Е
У Р А Л Ь С К О Е
А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К О Е
С О В Е Щ А Н И Е

МОЛОТОВ

1948

ИЗ КНИГ
С.Н.Григорова

902.6
У-68

ДОКЛАДЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ МОЛОТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 1-4

902.6
п-26

*Тубокоузваснаемому
Сергею Павловичу
Тригорскому*

*от составителя
и автора*

В. Бадур

П Е Р В О Е УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

при Молотовском Университете
20—25 апр. 1947 г.

АВТОРЕФЕРАТЫ, ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
И ОБЩИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ВО-
ПРОСАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДО-
ВАНИЙ НА УРАЛЕ

Российской Ини культурного
и природного наследия
Библиотека

Молотов,
1948

ПРОСЕРВАН
БИБЛИОТЕКА
И. М.
Истор. № 1637

2

Ответственный редактор:

проректор по научной работе *Р. В. Мерцлин.*

Члены редколлегии:

О. Н. Бадер, Я. Р. Волин, А. К. Шарц.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

От Молотовского университета	5
Программа заслушанных докладов и сообщений	6

1

Итоги предшествующих археологических исследований

О. Н. Бадер (Молотов, Университет). Каменный век на Урале	8
А. П. Окладников (Ленинград, Академия Наук). К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири.—Тезисы.	19
К. В. Сальников (Свердловск, Университет). К вопросу о стадиях в памятниках Андроновской культуры Зауралья	21
А. В. Збруева (Москва, Академия Наук). Памятники эпохи бронзы в Западном Приуралье и ананьинская культура.	27

2

Из новейших неопубликованных исследований по археологии Урала

И. А. Талицкая (Москва, Академия Наук). Справочник по археологическим памятникам бассейна р. Камы.	32
О. Н. Бадер (Молотов, Университет). Неолитическая стоянка на р. Полудёнке близ Тагила	37
К. В. Сальников (Свердловск, Университет). Зама-раевское селище	41
А. В. Збруева (Москва, Академия Наук). Луговская стоянка и могильник.	47
Н. П. Кипарисова (Нижний Тагил, музей краеведения). Жертвенное место на Голом Камне.	49
Е. М. Берс (Свердловск, Университет). Никито-Ивдельские находки	52
А. А. Иессен (Ленинград, Гос. Эрмитаж). Уральский очаг древней металлургии	59

3

Вопросы археологического изучения Урала

П. Н. Чирвинский (Молотов, Университет). О более тесной увязке археологии с некоторыми смежными разделами наук о материи.—Тезисы	65
--	----

4

Информационные сообщения о работе на местах

Кабинеты Археологии при университетах Свердловска и Молотова.—О. Н. Бадер	66
Свердловский областной музей—К. В. Сальников	67

Молотовский областной музей—А. Г. Милицина	68
Челябинский областной музей—К. В. Сальников	69
Чкаловский областной музей—К. В. Сальников	71
Нижне-Тагильский музей—Н. П. Кипарисова	72
Археологические исследования и памятники в Коми- Пермяцком округе—А. Н. Анисимов	75
Кунгурский музей—А. К. Воронихин	75
К изучению археологических памятников Кунгуро- Сылвенского края—Л. Н. Лелюхов (Кунгур)	76
Из личных археологических разведок, произведен- ных в разных местах Урала и Приуралья между 1910 и 1930 гг.—В. П. Бирюков (Шадринск)	77

5

Список археологических памятников, рекомендован- ных совещанием для первоочередных исследований на Урале в 1947— 1950 гг.	80
---	----

6

Общие постановления совещания	83
---	----

7

Список участников Первого Уральского Археологиче- ского Совещания	85
--	----

От Молотовского университета

Первое Уральское Археологическое Собрание, проведённое при Молотовском университете 20—25 апреля 1947 г., — большое событие в деле археологического изучения Урала. Оно объединило большую часть учёных Москвы, Ленинграда, Свердловска, Молотова, научных работников и краеведов других областных и районных центров Урала, известных своими археологическими работами на уральской почве, и привлекло к себе большое внимание со стороны как центральных, так и местных работников, о чём свидетельствуют многочисленные письма и телеграммы.

Основной целью собрания было установление на новом, послевоенном этапе археологического изучения Урала научной преемственности по отношению к обширным исследованиям предвоенных лет, которые в большинстве своём остаются непубликованными и почти весь руководящий состав которых сделался жертвой войны и вышел из строя; подведение общих и некоторых частных научных итогов и разработка основных моментов общего плана археологического изучения Урала в 1947—1950 гг., ориентированного в первую очередь на проведение необходимых охранных обследований и раскопок в зоне уральских новостроек.

Эти задачи собрание выполнило. Таким образом, его материалы, основная часть которых здесь публикуется, приобретают отправное значение для работ по археологическому изучению Урала на ближайшие годы.

Ниже приведены лишь те доклады, авторефераты которых получены от авторов. Благодаря этому в предлагаемых материалах имеются пробелы, к числу которых относится и особенно досадный пробел по части позднейшей археологии Прикамья, вызванный невозможностью участия в собрании со стороны А. П. Смирнова (Москва). Зато публикуются в виде тезисов два незачтённые доклада А. П. Окладникова и А. А. Иессена, включённые в первоначальную программу собрания.

Основные, обобщающие доклады даны более полно, остальные и информационные сообщения о работе на местах — в очень сжатой форме.

Программа заслушанных докладов и сообщений

Вступительное слово.—Р. В. Мерцлин (проректор Молотовского Гос. Ун-та по научной работе).

Памяти покойных исследователей Урала Н. Н. Бортвина, П. А. Дмитриева, Н. А. Прокошева. М. В. Талицкого, Д. Н. Эдинга.—К. В. Сальников (Свердловск, Университет).

1

Итоги предшествующих археологических исследований

Каменный век на Урале.—О. Н. Бадер (Молотов, Университет).

К изучению шигирской культуры.—Е. М. Берс (Свердловск, Университет).

Андроновская культура в степном Зауралье.—К. В. Сальников (Свердловск, Университет).

Памятники эпохи бронзы в Западном Приуралье и ананьинская культура.—А. В. Збруева (Москва, Академия Наук, ИИМК).

Антропологический состав древнейшего населения Прикамья и Приуралья.—Т. А. Трофимова (Москва, Академия Наук, Ин-т Этнографии).

По этапам древнейшей истории Приобья.—В. Н. Чернецов (Москва, Академия Наук, ИИМК).

2

Из новейших неопубликованных исследований по археологии Урала

Справочник по археологическим памятникам бассейна р. Камы.—И. А. Талицкая (Москва, Академия Наук, ИИМК).

Неолитическая стоянка на р. Полудёнке под Н. Тагилом—О. Н. Бадер (Молотов, Университет).

Замараевское селище андроновской культуры близ Шадринска—К. В. Сальников (Свердловск, Университет).

Луговой могильник и селище близ Елабуги—А. В. Збруева (Москва, Академия Наук, ИИМК).

Жертвенное место на Голом Камне близ Тагила.—Н. П. Кипарисова (Нижний Тагил, Музей).

Никито-Ивдельские находки.—Е. М. Берс (Свердловск, Университет).

3

Вопросы археологического изучения Урала

К изучению памятников русского освоения Урала.—П. С. Богословский (Молотов, Университет).

О более тесной увязке археологии с некоторыми смежными разделами наук о материи.—П. Н. Чирзинский (Молотов, Университет).

Информационные сообщения о работе на местах

Кабинетов Археологии Уральского и Молотовского гос. университетов.

Молотовского обл. музея.

Свердловского обл. музея.

Челябинского обл. музея.

Чкаловского обл. музея.

Тюменского обл. музея.

Коми-Пермяцкого окр. музея (Кудымкор).

Тагильского музея.

Кунгурского музея.

В. П. Бирюкова (Шадринск). Из личных археологических разведок, произведенных в разных местах Урала и Приуралья между 1910 и 1930 гг.

Н. А. Теплоуховой (Молотов). О пробных раскопках Рождественского городища, совместных с С. А. Теплоуховым.

Л. Н. Лелюхова (Кунгур). Археологические памятники Кунгурско—Сылвенского края.

А. В. Нецветаева (Очёр). Последние археологические находки в Очёрском районе.

Рекомендуемый план археологических исследований на Урале на текущую пятилетку (1947—1950 г. г.)

Доклад комиссии в составе: О. Н. Бадера, А. В. Збруевой и К. В. Сальникова.

Общие постановления Совещания

Доклад комиссии в составе: Е. М. Берс, В. П. Бирюкова и Н. П. Кипарисовой.

Итоги шестидневных работ Совещания.—А. И. Букирев (ректор Молотовск. ун-та) и О. Н. Бадер.

Итоги предшествующих археологических исследований

О. Н. БАДЕР

(Молотов, университет)

КАМЕННЫЙ ВЕК НА УРАЛЕ

Свои первые шаги уральская археология сделала в области изучения памятников металлической эпохи. Находки каменных орудий делались на Урале и в XVIII, и в первой половине XIX в., но они или неверно истолковывались („громовые стрелы“ и т.п.), или не обращали на себя внимания, которого заслуживали.

Интерес к памятникам каменного века появляется и крепнет у нас с конца 50-х годов прошлого века. В 1862 г. с целью разъяснения вопроса о первоначальном расселении человека в Европе академик Бэр совместно с другими представил в Академию Наук специальную записку о необходимости организации больших экспедиций для археологического изучения проходов из Азии в Европу, и, в частности, — Среднего Урала. Этот замысел, к сожалению, остался неосуществлённым.

Только полной неизведанностью каменного века на Урале в середине и даже в третьей четверти прошлого столетия можно объяснить вывод Аспелина об отсутствии здесь каменного века также, как и в смежных губерниях Европейской России: Пермской, в восточных частях Архангельской, Вологодской, Вятской и во всей Западной Сибири¹). Последующие исследования русских, в особенности советских археологов блестяще показали полную несостоятельность этого преждевременного заключения.

Вывод о населённости Урала человеком в каменном веке получил официальное признание в 1874 г., когда на заседании Уральского общества Любителей Естествознания О. Е. Клером демонстрировалось каменное шлифованное орудие, найденное в 1873 г. на Карасьем озере близ Екатеринбурга. В последующие годы А. А. Штукенбергом на Тимане (1874), М. В. Малаховым, Ф. Ю. Гебауэром, Н. А. Рыжниковым и др. в Среднем Зауралье выявлен целый ряд древних поселений с

¹ Труды Международного съезда ориенталистов в Петербурге, 1879—80, т. II, стр. 392.

каменными орудиями, положивший начало изучению шигирской культуры.

Что касается Прикамья, то до опубликования в 1892 г. специальной статьи Ф. А. Теплоухова¹ „в литературе не появлялось никаких известий о существовании здесь человека в каменный или бронзовый периоды.“

Изучение древнейших памятников является самым молодым разделом археологии Урала.

Лишь к советскому периоду, помимо широко развернувшихся краеведческих работ, относятся крупные, научно поставленные изыскания древних уральских поселений с каменным инвентарём орудий. Таковы исследования А. В. Шмидта, Н. А. Прокошева и М. В. Талицкого в Прикамье, П. А. Дмитриева, Д. Н. Эдинга и др. в Зауралье.

В 1938 г. М. В. Талицким в Прикамье и С. Н. Бибиковым на Южном Урале были открыты первые несомненные доказательства существования человека на Урале в палеолитическую, ледниковую эпоху. Тем самым установлена огромная древность первоначального заселения Урала человеком, не уступающая древности заселения других областей севера Евразии и приобщающая Урал к грандиозной общей картине первоначального расселения человечества в ледниковый период из более южных областей, где произошёл процесс антропогенеза.

В новейшей литературе попытки обобщающих исследований по каменному веку для территории Урала в целом — ещё отсутствуют.

2

До упомянутых открытий палеолита в 1938 году в археологической литературе упоминалась в качестве палеолитической мало достоверная находка якобы обработанного бивня мамонта в Быньговском заводе и почти не обследованное местонахождение на р. Губерле близ Орска, где П. С. Назаровым в 1906 году у д. Идельбаево были найдены кремневые орудия вместе с костями двух видов вымерших быков, лошади, волка, лося и северного оленя. Находка не обратила на себя должного внимания и вскоре была археологами забыта. В советский период поиски Идельбаевской стоянки производил Г. П. Сосновский, пришедший к выводу об отсутствии здесь палеолита.

В 1935 г. специальной экспедицией Академии Наук под руководством П. И. Борисковского были произведены тщетные поиски палеолита в Прикамье.

В 1938 г., во исполнение постановления II конференции Комиссии ископаемого человека Международной Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, Челябинским музеем и Академией Наук была направлена на Южный Урал спе-

¹ Ф. А. Теплоухов. Вещественные памятники каменного и бронзового века в западной части Пермской губернии. — Гр. Пермск. Уч. Архивн. Ком. вып. I, 1892. — Стр. 27—63.

циальная экспедиция под руководством С. Н. Бибикова, которому и удалось на р. Юрюзани близ Усть-Катава открыть остатки палеолита в пещерах Ключевой и Бурановской. В 1939 г. им были произведены в обеих пещерах раскопки и открыты ещё 4 местонахождения в том же районе.

Ключевая пещера находится на высоте 45 метров над Юрюзанью, ориентирована на ЮВ входом, имеет длину 20 м. Культурный слой залегает на глубине 1,30 м., имеет толщину 0,40 м., состоит из углистых очажных прослоек, насыщен костями животных, частью со следами обработки, нередко раздробленными.

Бурановская пещера находится всего в 2 км. от Ключевой, длина её 35 м, культурный слой залегает на гл. 1,80 м, очень хорошо выражен, содержит золу, уголь, сильно обожжённые камни с очагов и также остатки фауны.

Фауна из Ключевой пещеры определена Карачаровским под наблюдением В. И. Громовой и даёт следующий список: носорог шерстистый, первобытный зубр, лошадь, лось, северный олень, благородный олень, косуля, сайга, медведь бурый, волк, росомаха, куница, лиса, песец, хорёк, заяц, бобр, пищуха, водяная крыса, тушканчик большой, суслик, хомяк, рыбы, птицы. В Бурановской пещере фауна аналогична, но нет носорога; впрочем, может-быть, его отсутствие объясняется незначительностью вскрытой площади.

Флора предварительно определена из Ключевой пещеры; установлено наличие хвойных древесных пород.

Остатки материальной культуры обеих пещер очень бедны. В Ключевой найдено всего несколько кремневых отщепов и один отщеп из плотного, сильно кальцинированного сланца. Это небольшие удлинённые пластинки, плоские, с гранями предыдущих сколов на спинке. По краю одной из них—следы подретушовки. Из Бурановской происходят всего 2 кремневых отщепов. В общем, остатки материальной культуры крайне бедны и не дают достаточного представления о ней.

Всё же технический облик кремневых отщепов вместе с характером фауны позволяет определить время обитания этих пещер человеком, как солиотрейскую эпоху (?) верхнего палеолита¹, что соответствует ресс-вюрмской или началу вюрмской эпохи геологической периодизации. Стоянки имеют характер недолговременных остановок охотников; за это говорят тонкие, чередующиеся очажные прослойки, бедность стоянок остатками материальной культуры, общее неудобство, в частности, сырость пещер. Наконец, исходя из неоднородного состава фаунистического комплекса, Бибиков формулирует вывод палеогеографического характера: что на Южном Урале в позднеледниковое время „существовали заболоченные низины, покрытые травянистой растительностью, чередующиеся с горными

¹ С. Н. Бибиков. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани (Ю. Урал).-- Кратк. Сообщ. ИИМК, 3, 1940.

массивами, покрытыми хвойными лесами, вероятно и березняком. Эти массивы, в свою очередь, переходили (особенно на западе) в открытые холодные равнины со скудной растительностью“.

Но наибольшее значение и научный интерес имеет на Урале палеолитическая стоянка, тогда же открытая у д. Остров на р. Чусовой близ Молотова М. В. Талицким¹ и названная впоследствии его именем. Рекогносцировочные раскопки её, произведённые М. В. Талицким в 1938 и 1939 г. г., М. П. Грязновым, А. А. Иессеном и В. И. Громовым в 1942 г., и широкие раскопки автора² в 1945 и 1946 гг, рисуют картину временного охотничьего становища, посещавшегося не более 3-х летних сезонов. Тонкий культурный слой стоянки покрыт 16-тиметровой толщей позднейших отложений р. Чусовой. На жилой площадке обнаружено несколько круглых очажных ям, переполненных костным углем. Сжигали главным образом крупные кости мамонта и носорога. Вокруг очагов—густые скопления культурных остатков в виде плоских каменных плиток, костей животных, каменных и костяных орудий и многочисленных осколков кремня, горного хрусталя, глинистого сланца. Местами культурный слой окрашен в красный цвет густой примесью охры. Среди остатков фауны В. И. Громовым определены северный олень, дикая лошадь, мамонт, носорог, косуля, песец, заяц, лемминг и др.

Стоянка им. Талицкого является самой северной палеолитической стоянкой Европы и своим расположением определяет пределы расселения человечества на север в ледниковую эпоху. Время стоянки определяется второй половиной верхнепалеолитической эпохи, в абсолютном же летоисчислении цифрой 20—25 тысяч лет назад. Крайне интересной особенностью её материальной культуры надо считать сходство с сибирским палеолитом несмотря на положение её в Европе. Это сходство находит своё выражение в типе некоторых каменных орудий, например, скребков и в заметной примеси грубых орудий из глинистого сланца.

Сибирский характер стоянки им. Талицкого, в свою очередь, приводит к выводу о наибольшей вероятности первоначального заселения Урала и даже Зап. Приуралья с востока, т. е. из Сибири, а не из Европы. В 1937 г. в культурном слое стоянки Афонтова Гора II на Енисее, близкой по культуре стоянке Талицкого, найден фрагмент человеческого черепа с явно монголоидными чертами, что делает вероятным наличие монголоидов и на уральских стоянках верхнего палеолита. В таком случае мы можем рассматривать область Урала в ка-

¹ М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой.—Бюлл. Ком по изуч. четвертич. пер., № 6—7, 1940.

М. В. Талицкий. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова.—кратк. Сообщ. ИИМК, IV, 1940.

² О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгскарья человеком.—Уч. Зап. Мол. Гос. Ун-та, т. V, в. 2, 1947.

честве древнейшего плацдарма взаимодействия между европеоидным и монголоидным антропологическими типами.

Корни сибирских связей Западного Приуралья эпохи верхнего палеолита могут лежать ещё глубже и находить своё объяснение в палеогеографических условиях, сложившихся в районах Подонья и Прикаспия в эпоху максимального оледенения, когда донской язык материкового льда почти соединялся с хазарской трансгрессией Каспия, изолируя Поволжье и Урал от Европы в течении десятков тысячелетий¹. В свете этой гипотезы наряду с изучением палеолита Урала большой интерес приобретает палеолит Поволжья; до сих пор характер его ещё не выявлен, но мы полагаем, что он также будет сибирским.

Огромный исторический интерес имеет находка М. В. Талицким в 1939 г. отщепов и одного типичного мустьерского орудия—ручного остроконечника с двухсторонней оббивкой—в низовьях Чусовой в урочище „Пещерный Лог“². Эти предметы, сделанные руками неандертальцев, доказывают, что первоначальное заселение Урала человеком совершилось не позже, чем в мустьерскую эпоху,—эпоху рисского, максимального оледенения Евразии, а, судя по находке типичного ашельского „ручного рубила“ на Волге в б. Самарской губернии³,—возможно, в конце ашельской эпохи.

В свете находок у „Пещерного лога“ приобретает большую достоверность старая находка черепа якобы неандертальского облика близ Илецкой Защиты, впоследствии утерянная и оставшаяся не описанной специалистом.

Все перечисленные палеолитические памятники находятся на западных склонах Урала. В 1946 г. автору удалось обследовать первые следы палеолита и на восточных склонах. Первый из них—местонахождение костей северного оленя, частью расколотых и оббитых, вместе с древесным углем в двух смежных платиноискательских шурфах в урочище „Токарев Лог“ близ Нижне-Туринского завода, на левом берегу р. Туры. Находки залегают, как и остатки стоянки Талицкого, в толще аллювия 2-й надпойменной террасы на глубине 9 с лишним метров, на горизонте почвенных вод, что крайне затрудняет раскопки⁴. Второй пункт—это маленький грот на Медведь-камне над р. Тагилом, вскрытый автором целиком (совместно с М. А. Бадер). Здесь в древнем суглинке четвертичного времени вместе с костями дикой лошади, козла, крупных птиц, грызунов и др. животных (по определению В. И. Громова) обнару-

¹ О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала в свете археологических данных.—Печатается.

² М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка „Пещерный Лог“.—Кр. Сообщ. ИИМК, XII, 1946.

³ О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком.—Уч. Зап. Молот. Ун-та, т. V, в. 2, 1947.

⁴ О. Н. Бадер. Археологические исследования на Урале в 1946 г.—Кр. Сообщ. ИИМК, XX, 1948.

жен всего 1 осколок кремня и следы кострища на дне грота.¹

Для обнаружения на Восточном Урале не менее многочисленных и научно-значимых чем на западе памятников палеолита нужны лишь систематически поставленные поиски.

3

Период, непосредственно следовавший за палеолитом, известный под термином эпипалеолита, до сих пор не освещен на Урале вообще, и ни один его памятник здесь ещё не выявлен.

Однако, на Урале есть ряд памятников, которые необходимо тщательно пересмотреть в связи с проблемой эпипалеолита. Это все памятники, где отсутствует керамика. Таковы, например, пещера в верховьях р. Миаса и Смолинская пещера на р. Исети, обследованная М. В. Малаховым в самом начале 80-х гг. Впрочем, последний сопоставляет их с известной пещерой Гебауэра, принадлежность которой к шигирской культуре вряд ли может возбуждать сомнения, а отсутствие керамики может объясняться особым, культовым характером памятника.

4

К сожалению, пробелы в наших знаниях о древнейшем населении Урала в период камня не ограничиваются эпипалеолитом. Строго говоря, мы ещё почти не знаем и уральского неолита.

В самом деле: наиболее известен „неолит“ Прикамья, изучавшийся А. В. Шмидтом² и Н. А. Прокошевым³. Это многочисленная группа стоянок в районе Чусовского устья. Древнейшая из них — Лёвшинская; но на ней найдены медные нож и шило, что заставляет считать её не неолитической, а энеолитической. Время её — конец 3-го и начало 2-го тысячел. до н. э. Позднейшая группа стоянок типа Астраханцевской на озере Грязном содержит керамику яйцевидной формы с гребенчатой орнаментацией. На ней же „орнаменты в виде заштрихованных гребёнкой ромбов, треугольников и пр. близки к сейминско-турбинским орнаментам на орудиях, украшениях и керамике“ (Прокошев), — следовательно, это уже время развитой бронзы.

Итак, подлинно-неолитические стоянки на Каме нам неизвестны. Но это не значит, что Прикамье, будучи населено человеком ещё в палеолите, в неолите было необитаемо, а это значит, что неолит Прикамья ещё не изучен, и его изучение — одна из первоочередных наших задач.

Однако, энеолитические стоянки типа Лёвшинской дают известное представление и о более ранних, неолитических поселениях Прикамья. Общий характер этих поселений и их культуры ещё неолитический, металл в них только лишь появляется.

¹ Указ. соч.

² А. В. Шмидт. Стоянка у станции Лёвшино. — „Сов. Археология“, V, 1940.

³ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья — Мат. и иссл. по арх. СССР, I, 1940.

ся, и то, вероятно, в виде уже готовых изделий путём обмена, а не развития собственной металлургии. Это расположенные в пойме, низко над водой поселения оседлого характера, с типическими чертами неолита в материальной культуре: шлифованными каменными орудиями, круглодонной, сплошь орнаментированной зубчатым (гребенчатым) штампом керамикой; с рыбо-ловно-охотничьим хозяйством и матриархально-родовым общественным строем. Кремнёвые орудия сделаны частично из мелких отщепов и ножевидных пластин, что отличает их от волго-окского неолита. Наконечники стрел, сделанные из ножевидных пластин с подретушовкой острия и черешка, похожи на эпипалеолитические. Возможно, что в этом следует видеть указание на соответствующий же архаический характер кремневого инвентаря подлинного камского неолита, которого мы ещё не знаем. Гребенчатая керамика отличается от керамики волго-окского и сибирского неолита по орнаменту. В то же время один из её характернейших орнаментальных приёмов — остроугольный зубчатый зигзаг — распространён также в неолите и энеолите Зауралья и Зап. Сибири вплоть до бассейна Енисея, а на запад — до Москвы и верховьев Волги, будучи особенно типичным для так-называемой Волосовской культуры, также энеолитической, сменяющей на Оке и в Верхнем Поволжье неолит с ямочно-гребенчатой керамикой. Следует отметить также общее расположение орнамента на сосуде и относительно значительную толщину стенок — как признаки, сближающие лёвшинскую и волосовскую керамику; вопрос этот требует внимания в будущем.

Стоянки района чусовского устья, видимо, обрисовывают какую-то единую племенную территорию. Поиски и изучение смежных синхронных племенных территорий позволят выяснить картину расселения энеолитических племён Прикамья и, вероятно, установить некоторые племенные различия.

Культурные особенности камского энеолита позволили ряду авторов (Шмидт, Окладников и др.) выделить Прикамье в качестве крупной области распространения своеобразной неолитической культуры.

В дальнейшем следует поставить систематические поиски и изучение в Прикамье подлинного неолита и уделить особое внимание прослеживанию камско-окских и камско-обских, а также южных культурных связей. Думается, что камско-сибирские связи выступают в качестве весьма заметных, а это представит особый интерес в связи с аналогичными выводами, сделанными выше для эпохи палеолита, так же как и в связи с проблемой генезиса Сейменской культуры, выросшей, мы полагаем, на почве местного энеолита как результат скрещения со степными бронзовыми культурами.

5

В Среднем Зауралье место, аналогичное стоянкам камско-чусовского узла типа Лёвшинской и оз. Грязного, занимает

древнейшая часть памятников так наз. шигирской культуры, выделенной и получившей особенно ясное выражение в работах П. А. Дмитриева. Таковы поселения Колмацкий Брод под Свердловском (раск. Дмитриева), Горбуновская береговая стоянка под Н. Тагилом (раск. Эдинга) и др.

Памятники этой богато представленной в Зауралье культуры, исключая двух упомянутых, да еще жертвенного места на Горбуновском торфянике до сих пор не исследованы должным образом; собранный материал очень велик, но недифференцирован, смешан, включая предметы различных эпох.

Тем не менее, П. А. Дмитриев¹ пришёл к следующим основным выводам:

1) Культурно-однородные поселения Зауралья, объединяемые под именем шигирской культуры, занимают территорию восточных склонов Урала в пределах б. Свердловского округа и отличаются от поселений смежной территории в междуречьи Туры и Исети (б. Тюменск. и Шадр. окр.) и от поселений третьей зауральской культуры—на восточных склонах Южного Урала.

2) Время существования шигирской культуры определяется периодом от середины 2-го тысячелетия до н. э. и до VIII в. до н. э.

3) Основой хозяйства создавшего её населения были охота и рыболовство с заметной примесью примитивного земледелия, основным орудием которого служила заостренная палка с педалью для рыхления земли.

4) Для изготовления орудий труда и предметов домашнего обихода помимо камня, кости, рога и дерева служили уже медь и бронза, внедрявшиеся всё прочнее в быт населения, о чем говорят находки литейных форм.

5) Общественное устройство характеризовалось как первобытно-общинное, родовое, на стадии матриархата.

Не подлежит сомнению, что шигирская культура—это местная по происхождению культура, сложившаяся на той же территории на базе более древнего, неолитического населения, и она до известной степени характеризует и эту недалёкую по времени и, без сомнения, близкую по хозяйственному укладу и общественному устройству неолитическую культуру Среднего Зауралья. Но всё же шигирская культура это не неолитическая культура, она целиком принадлежит эпохе металла. Скажу лишь в заключение, что среди обширных сборов по шигирской культуре, хранящихся в музеях Зауралья, гл. обр. в Свердловском Обл. Музее, надо думать, представлен и древний неолитический подслон, на котором она сформировалась. Выделение этого неолитического, протошигирского субстрата—также принадле-

¹ П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе.—Изв. ГАИМК, в 106. 1934—И др.

жит к числу первоочередных задач уральской археологии, как, впрочем, и изучение самой, едва лишь выделенной шигирской культуры.

6

Одно из таких древнейших, подлинно-неолитических поселений на территории распространения шигирской культуры удалось исследовать автору в 1944—1946 гг. близ Н. Тагила для Тагильского музея.¹ Это стоянка на р. Полудёнке—единственная поздне-неолитическая стоянка, достаточно исследованная в Среднем Зауралье. В этом сборнике ей посвящён особый автореферат.

Стоянка на Полудёнке очень богата остатками материальной культуры—каменными орудиями, среди которых хорошо представлены полированные ножи, кинжал, наконечники стрел, тёсла, долота и великолепные топоры, а также карамикой типично-неолитической формы, по преобладающему орнаменту могущей быть названной гребенчато-волнистой. На поселении обнаружена группа четырёхугольных полужемлянок, окружённых бревенчатой оградой овальной формы—факт, впервые установленный в СССР для неолита. Имея известные черты сходства с древнейшими стоянками шигирской культуры, неолитический комплекс Полудёнской стоянки безусловно древнее их, не обнаруживая никаких следов знакомства с металлами. Время его может быть определено как конец 3-го тысячел. до н.э.

Сумма фактов, добытых на Полудёнке, даёт основание реконструировать хозяйство населения как охотничье-рыболовное, а общественное устройство как материнский род.

Ближайшие аналогии Полудёнке из известных в литературе памятников мы находим в неолитических поселениях Северного Зауралья, обследованных С. Г. Бочем² и В. Н. Чернецовым³ в бассейне Сев. Сосьвы. Их объединяет с Полудёнкой сходство каменного инвентаря орудий, полуяйцевидные глиняные сосуды с гребенчато-волнистым орнаментом и четырёхугольная форма углублённых в землю жилищ.

Из этих сопоставлений вытекает, что в эпоху позднего неолита огромные пространства таёжного Зауралья от Сев. Сосьвы до Тагила, а может быть и южнее, были заняты родственными племенами лесных охотников и рыболовов, находившихся на стадии материнской родовой общины и создавших своеобразную культуру, наиболее полно представленную на Полудёнке. Если западными пределами этих племён служил, надо думать, Уральский хребет, то их восточная граница ещё неясна. Возможно, что она охватывает бассейн Оби и достигает бассейна Енисея.

¹ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г. Кр. Сообщ. ИИМК. XVI, 1947.

² С. Г. Боч. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды. —Тр. Ком. по изуч. четв. пер. АН, V, в. I, 1937.

³ В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров.—Кр. Сообщ. ИИМК. XI, 1941

Возникновение шигирской культуры в середине 2-го тысячел. до н. э. мы рассматриваем как результат близкого соприкосновения неолитических племён, обитавших в южной части зауральской тайги, со степными ранне-андроновскими племенами скотоводов, земледельцев и металлургов. Указанное взаимодействие между таёжными и степными племенами должно было особенно усилиться в условиях происходившего тогда смещения к северу ландшафтных зон.¹

7

На южном Урале неолит, без сомнения, имел своеобразные особенности, но выявлен ещё чрезвычайно слабо.

В Бурановской пещере на р. Юрюзани С. Н. Бибиковым попутно было исследовано погребение женщины, найденное в одном из верхних слоёв². Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юг. У таза и ног обнаружено 35 крупных, плоских, овальных подвесок из зелёного змеевика (офита) с односторонней шлифовкой и сверлинами. Череп находился в ямке 10 см глубиной, сплошь заполненной красной охрой. Близкий ритуал известен в неолитических могильниках на Онежском озере (Олений остров) и в Вологодской обл. (Каравайха), что делает неолитический возраст бурановского погребения наиболее вероятным. На стене пещеры сохранились выполненные охрой рисунки, — „вероятно, лося и сверху, может быть, гарпуна“. Фигура животного статична и не отличается реализмом. Связь рисунков с погребением, а, следовательно, и их неолитический возраст наиболее вероятны; за это говорят однородность цвета охры в рисунках и под черепом погребения и отсутствие следов охры в слоях над погребением.

Неолитические находки в Бурановской пещере могут помочь в датировке целой группы уральских наскальных изображений.

Бибиковым же в 1939 г. было раскопано „вполне аналогичное бурановскому погребение в навесе Старичный Гребень“. Погребение „находилось в культурном слое неолитического возраста“³. Эта вторая находка служит новым подтверждением неолитического возраста описанных остатков в Бурановской пещере. К сожалению, материальная культура из этих отложений, выявленная при археологических исследованиях на Южном Урале в предвоенные годы, остаётся неопубликованной, а тем самым и недоступной.

Для Южного Приуралья имеются упоминания памятников неолитического облика, но ни один из них не подвергнут точной датировке со стороны авторитетных специалистов и, тем

¹ О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии Урала в свете археологических данных.— Печатается.

² С. Н. Бибилов. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрюзани.— Кр. Сообщ. ИИМК, III, 1940.

³ С. Н. Бибилов. Ук. соч.

более, не выявлен достаточно в литературе. Без сомнения, положительные данные может дать объезд южноуральских музеев. Южноуральский степной неолит может выявить южные связи Урала, в частности, связи со Средней Азией, где недавно открыта неолитическая кельтеминарская культура, некоторые черты которой имеются и на Среднем Урале—и на Полудёнке, и в Лёвшине.

Из всего сказанного очевидно, что серьёзное изучение каменного века на Урале только ещё начинается. Из уральских научных организаций эта тема стоит в плане работ Молотовского университета.

А. П. ОКЛАДНИКОВ
(Ленинград, ЛОИИМК АН СССР)

К ИЗУЧЕНИЮ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОГО ПРИУРАЛЬЯ И
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(Тезисы).

1

Одним из важнейших достижений последних десятилетий в области изучения памятников неолита и ранней бронзы Северной Азии и соседнего с ней Приуралья является определение больших локальных групп таких памятников — „провинций“.

Последние, в свою очередь, дают представление о каких-то этнических единствах отдалённого прошлого, о группах племён или даже о древних народностях, связанных общностью территории их расселения, сходством хозяйственно-бытового уклада, материальной и интеллектуальной культуры. Одна из таких провинций, Байкальская, изучена сейчас лучше всех остальных. Ей наиболее отчётливо противостоит Амурская, а также степные — в Западной Сибири, северо-восточные — в Якутии.

2

С чертами особого этнокультурного массива вырисовывается теперь и другая большая группа памятников неолита и ранней бронзы, распространённых, главным образом, в Восточном Приуралье.

В хозяйстве носителей этой культуры, которую вернее было бы называть восточно-уральской, главная роль принадлежит охоте и рыбной ловле (с вероятным приоритетом последней) в долине таких больших рек, как Обь, или в озёрных районах.

В материальной культуре её наиболее показательна керамика: круглодонные — на ранних стадиях — сосуды, сплошь покрытые зональным орнаментом, выполненным различными видами штампа, в том числе гребенчатым, а также гусенично-гребенчатым. Но особенно характерен для неё „струйчатый“ орнамент в виде узких желобков, проведенных округлённой на конце палочкой, которую вели не отрывая её конца от глины, но ритмически надавливая через известные промежутки. В композиции узора важное место принадлежит зигзагу, часто переходящему в волнисто-струйчатые линии.

На поздних стадиях здесь появляются плоскодонные сосуды и элементы сложной геометрической орнаментации, близкой к андроновской. Таким образом, ранние стадии этой культуры

должны относиться к времени, предшествующему андроновской стадии степной бронзы; поздняя — должна быть синхронизирована с андроновской стадией.

3

Восточноуральская культура неолита и ранней бронзы на западе во многом совпадает с шигирской и западноуральской, изученной А. В. Шмидтом и Н. А. Прокошевым. В ней могут быть обнаружены и некоторые изолированные черты сходства с культурой ямочно-гребенчатой керамики лесного неолита Восточной Европы. В Казахстане она незаметно переходит в микролитическую степную культуру, уходящую в Заволжье, а ещё южнее обнаруживает близкую связь с кельтеминарской культурой в низовьях р. Аму-Дарьи.

4

На востоке крайние её следы неожиданно обнаруживаются в долине Енисея у Красноярска. В этом районе древнейшие неолитические находки свидетельствуют о глубоком влиянии Прибайкалья (керамика серовского типа, камешные фигуры рыб, части составных крючков китойского типа, изделия из саянского зелёного нефрита).

5

Позднее по Енисею у Красноярска распространяется восточно-уральская культура, представленная, в частности, замечательным поселением на р. Собакиной — нижними его слоями. В верхних слоях стоянки, под тагарским слоем обнаружена также и керамика более позднего типа, со следами сложного прямолинейно-геометрического стиля, сходного с андроновским.

В связь с проникновением восточно-уральской культуры на Енисей нужно, очевидно, поставить и такие образцы искусства, как найденная на Базаихе агальматолитовая статуэтка человека, чрезвычайно близкая по стилю и форме к статуэтке из Кунда, опубликованной Эбертом, или фигурка плывущей уточки из погребения на Афонтовой Горе, раскопанного А. Ф. Катковым (ср. роль таких изображений в культуре ямочно-гребенчатой керамики).

6

Носителями восточно-уральской культуры следует считать не предков тунгусов, монголов или тюрков („алтайцев“), а древних „уральцев“ — аборигенных предков нынешних вогулов (манси), остяков (хантэ) и, может быть, самоедов-ненцев. Нельзя не подчеркнуть и удивительной устойчивости этой лесной культуры в Западной Сибири — Восточном Приуралье до начала второго тысячелетия н. э. (ср. Барсов Городок).

К. В. САЛЬНИКОВ
(Свердловск, университет)

К ВОПРОСУ О СТАДИЯХ В ПАМЯТНИКАХ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАУРАЛЬЯ

Южное Зауралье и Приуралье являются одним из районов той огромной территории, на которой распространены памятники андроновской культуры. Первые исследования зауральских памятников этой культуры восходят ещё к прошлому столетию — раскопки А. Гейкеля близ г. Кургана и г. Ялуторовска, Ф. Д. Нефедова у Соль-Илецка. Много андроновских курганов раскопал в 1907—1910 гг. челябинский археолог Н. К. Минко, а также В. Я. Толмачев и В. П. Бирюков. В советский период здесь ведут раскопки С. Н. Дурылин, М. П. Грязнов, О. А. Кривцова-Гракова, Б. Н. Граков, Г. В. Подгаецкий, К. В. Сальников и другие исследователи.

В результате нам известно несколько десятков могильников со многими сотнями погребений, причём в 36 могильниках производились раскопки. Менее изучены поселения. За редким исключением материалы этих исследований не опубликованы. Знакомство с неопубликованными материалами и личные исследования убедили нас, что в Зауралье имеется несколько типов андроновских памятников, которые позволяют поставить вопрос о наличии в этой культуре ряда хронологических стадий.

Если мы исключим район города Орска и вообще течение реки Урала, где андроновские погребения изучались и в большинстве опубликованы М. П. Грязновым, Б. Н. Граковым и Г. В. Подгаецким, то остальные памятники сосредоточатся на сравнительно ограниченной территории Челябинской и Курганской областей. А между тем при тождественности внешнего вида памятников — земляных курганов — они дают резкие различия в обряде погребения и сопровождающем инвентаре. Особенно ярко эти различия выступают в районе г. Челябинска. Одни могильники здесь дают погребения с трупоположением, другие — погребения с трупосожжением. Эти наблюдения заставляют видеть в различиях погребальных обрядов различия хронологические.

За недостатком места мы лишены возможности описать полностью погребения того и другого типа. Остановимся лишь на самых существенных чертах. Для могил с трупосожжением кроме грудки пережжённых костей характерны глиняные сосуды горшечно-баночной формы с округлыми плечиками, глиняные прямоугольные блюда с лепёшкообразными ручками по

углам, кости лошади (рёбра, тазовые, лопатки). Этим обычно могильный инвентарь и ограничивается. Для могил с труположением кроме костяка, положенного на бок в скорченном виде— с подогнутыми руками и ногами,—характерны сосуды другого типа горшечно-баночной формы—с уступчиками на грани шейки и плечиков, кости коровы и овцы (череп и кости конечностей). Блюдца в погребениях с труположением никогда не обнаруживаются. Много реже встречаются другие типы сосудов—в форме плошек, банок и т. п. Из других предметов в погребениях с труположением часты украшения из бронзы.

Наиболее типичными и обычными в андроновских погребениях являются упомянутые два типа сосудов горшечно-баночной формы, которые, кроме формы, имеют и другие различия: в элементах орнамента, в технике его нанесения и расположении по поверхности стенок, в составе глины и т. д. Это обстоятельство позволяет сравнивать не только полные сосуды, но и отдельные, иногда и незначительные фрагменты их, и таким путём увязать керамику погребений с керамикой селищ.

Орнамент на сосудах с округлыми плечиками покрывает сплошным полем шейку и плечики, изредка встречается вторая зона—у дна. На сосудах с уступчиком он располагается тремя зонами; по верху шейки, по плечикам и у дна; впрочем, последняя нередко отсутствует. Следовательно, для сосудов с уступчиком характерно наличие неорнаментированной полосы в нижней части шейки. Эта полоса у первого типа сосудов отсутствует. Из трёх видов заштрихованных треугольников, встречающихся в орнаменте почти каждого сосуда: косых, прямоугольных и равнобедренных, косые характерны для первого типа сосудов, равнобедренные для второго, а прямоугольные, являющиеся как бы переходными между косыми и равнобедренными, мы видим на обоих типах сосудов. Что касается техники нанесения орнамента, то на сосудах первого типа обычна гребёнка, резной же орнамент встречается как исключение, а на сосудах второго типа, хотя встречаются оба вида орнамента, но решительно преобладает резной. Большая примесь талька входит в состав глины почти всех сосудов второго типа, а в сосудах первого типа примесь талька чрезвычайно редка. И, наконец, ряд сосудов второго типа и их фрагментов имеет на внутренней поверхности отдельные участки со следами отпечатков ткани, свидетельствующие об особой технике лепки сосудов. Сосуды первого типа таких отпечатков никогда не дают.

В археологической литературе с 1927 года за первым типом сосудов закрепилось название „восточного“, а за вторым— „западного“, так как различия этих типов рассматривались тогда как территориальные. „Восточный“ тип был тогда известен лишь в Минусинском районе и Восточном Казахстане, а „западный“ открыт в районе г. Орска. Впрочем, уже тогда установивший эти различия М. П. Грязнов отмечал единичные

исключения из этого правила. Привлечение дополнительного материала, а в особенности факт обнаружения под Челябинском обоих типов в одном и том же очень ограниченном по площади районе, но в памятниках, резко различающихся по погребальному ритуалу, заставляют искать объяснение этих различий в хронологии. А в таком случае термины „восточный“ и „западный“ тип в применении к андроновской керамике нужно признать не соответствующим существу различий. Поэтому в среде археологов, занимающихся бронзой Урала и Сибири, получило права гражданства наименование первого типа „федоровским“, второго — „алакульским“ по наиболее изученным могильникам: с трупосожжением у с. Федоровки на р. Миасс близ Челябинска и с трупоположением — на озере Алакуль в Щучанском районе Курганской области.

Таким образом, по погребальным памятникам мы устанавливаем ряд устойчивых различий для федоровской и алакульской стадий. Для наглядности сведём эти различия в таблицу:

	Федоровская стадия	Алакульская стадия
1. Способ погребения	Сожжение	Трупоположение на боку скорченно
2. Сосуды горшечно-баночной формы	С округлыми плечиками	С уступчиком
3. Неорнаментированная полоса в нижней части шейки	Нет	Есть
4. Преобладающий вид орнамента	Гребенчатый	Резной
5. Преобладающий вид треугольников в орнаменте	Косые	Равнобедренные
6. Отпечатки тканей на внутренней поверхности сосуда	Нет	Встречаются
7. Прямоугольные блюда	Есть	Нет
8. Преобладающий вид животных в погребениях	Лошадь (рёбра, тазовые, лопатки)	Овца, корова (череп, ноги)

Которая же стадия является ранней и которая поздней? На этот вопрос погребения ответа не дают. Но на исследованном нами селище близ с. Кипель Юргамышского района Курганской области удалось провести наблюдения, дающие право рассматривать федоровскую стадию ранней, а алакульскую

более поздней. На Кипельском селище, которое исследовано нами в 1939 году по поручению Челябинского областного музея, открыта одна полная полуземлянка площадью около 100 кв м и угол второй, снесенной в основном рекой Юргамыш, в пойме которой расположено селище. На дне землянок обнаружено несколько ямок от столбов, очаги в виде прокала на земляном полу, в виде небольших ямок и скопления золы или в виде вымостки маленькими камешками.

Между открытыми землянками оказались следы поверхностных жилищ, а именно, большое количество ямок от столбов, в расположении которых не прослеживается никакой закономерности, и несколько мелких углублений нечётких очертаний, площадью 7—15 кв. м, глубиной от древнего горизонта 0,10—0,15 м. Здесь же найдены остатки нескольких очагов различного устройства, которые обычно помещались внутри этих углублений. Очаги окружались и покрывались зольниками, прочая же площадь углублений была заполнена культурным слоем с сильной примесью также золы. Здесь же, между землянками найден очаг оригинального устройства. Котловидная ямка диаметром 1 м, углублявшаяся в грунтовую глину на 0,20—0,25 м, была заполнена грудой кирпичиков, их обломков и черепков. Кирпичики представляют из себя четырехгранные, реже пяти и трехгранные призмы длиной 9—10 см при ширине граи 4—6,5 см, а иногда просто овальные лепешки, овальные и круглые в сечении цилиндры из обожжённой глины. По ряду признаков кирпичики в описанной грудке являются остатками рухнувших стенок и свода примитивной печи. Подом печи служило дно ямки, может быть обмазанное глиной, на котором обнаружен чёрный углистый слой и черепки нескольких раздавленных сосудов.

Основываясь на выводах, полученных в результате изучения сосудов федоровского и алакульского типа, найденных в погребениях и позволяющих с достаточной степенью достоверности отнести большую часть фрагментов керамики к той или другой стадии, мы проанализировали характер распространения различных типов керамики по площади селища.

При этом было установлено, что говорить о различии керамики в зависимости от глубины залегания мы не имеем данных. В единый культурный слой селища входили фрагменты и федоровских, и алакульских сосудов. Но всё же имеются локальные особенности на различных участках раскопа, вытекающие из хронологических различий в типах керамики.

Так, фрагменты с гребенчатыми оттисками, характерными для федоровской стадии, при всей своей многочисленности лишь единицами встечаются в землянках, а в массе залегают наравне с фрагментами, орнаментированными резьбой, в культурном слое на древнем ненарушенном горизонте между землянками и в мелких углублениях на этой же волесе. А в землянках мы видим почти исключительно фрагменты с резным орнаментом, решительно преобладающим на алакульских сосудах.

Процесс образования культурного слоя на Кипельском селище по данным раскопок рисуется в следующем виде. Первоначально здесь существовали какие-то наземные сооружения, от которых сохранились ямки для столбов и очаги в мелких углублениях, наблюдаемые в полосе раскопа между землянками.

В этот период существования селища в культурном слое отложились фрагменты керамики федоровского типа, орнаментированные гребёнкой. Полные сосуды этого типа оказались в раздавленном виде в развалинах кирпичного очага. Позднее, может быть и без значительного хронологического перерыва, были вырыты землянки, в процессе сооружения которых слой с гребенчатой керамикой был на этих участках уничтожен. Для периода же существования землянок характерными являлись уже алакульские сосуды с резным орнаментом. Фрагменты этой керамики мы видим в землянках. Между же землянками резная керамика перемешалась с гребенчатой благодаря незначительной мощности культурного слоя. Следовательно, резная керамика и землянки моложе, нежели гребенчатая керамика и наземные сооружения. Если бы процесс протекал в обратном порядке, землянки должны бы были перекрыться отложением с гребенчатой керамикой.

Отсюда естествен вывод о том, что федоровская стадия в развитии андроновской культуры Зауралья является ранней, а алакульская поздней. В целом они относятся ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Не исключена возможность, что в некоторых случаях федоровская керамика продолжала существовать вместе с алакульской, и на базе обоих этих типов развивается последняя стадия, наметившаяся в Замараевском селище¹.

Как уже сказано, характерные черты, свойственные с одной стороны федоровскому типу керамики, с другой — алакульскому, особенно четко прослеживаются на памятниках в районе г. Челябинска. Но и здесь имеются экземпляры сосудов, которые можно рассматривать как переходные от одной формы к другой. В других же районах мы видим особые разновидности, которые с нашей точки зрения должны объясняться также хронологическими особенностями. Так, в Орском районе мы не знаем погребений с трупосожжением, но в то же время мы не знаем здесь пока и раннего типа сосудов. Обычные же для орских могил сосуды являются разновидностью поздних алакульских сосудов Челябинского района. Слабо-подчеркивание уступчиков на плечиках этих сосудов, более частое употребление в орнаменте гребенчатого чекана и сложных меандровых элементов, обычных для федоровской стадии, заставляют признать орские сосуды более древними, чем уступчатые челябинские, то-есть поместить их между федоровскими

¹) См. автореферат доклада „Замараевское селище“ в данном сборнике.

и алакульскими. Отдельные находки типичной уступчатой керамики в Орском районе отбрасывают предположение о локальности отмеченных особенностей керамики Орского района.

Необходимо сказать, что широкое распространение обряда трупосожжения на федоровской стадии, видимо, является специфической особенностью Челябинского района. Отсюда естественно, что в других местах керамика федоровского типа оказывается в погребениях с трупоположением, как, например, в некоторых могильниках Западной Сибири. Впрочем, в редких случаях мы такое явление наблюдаем и в Челябинском районе. Все это лишь подтверждает преемственную связь, а в известное время и сосуществование федоровской и алакульской керамики, не лишая эти типы их стадияльного, датирующего значения.

А. В. ЗБРУЕВА
(Москва, ИИМК АН СССР)

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЗАПАДНОМ ПРИУРАЛЬЕ И АНАНЬИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Известные в настоящее время памятники эпохи бронзы в бассейне Камы разделяются на 2 группы. Первая группа находится в районе устья р. Чусовой, недалеко от г. Молотова, вторая расположена на нижней Каме и в районе камского устья.

К первой группе принадлежат памятники более ранние, начиная с поздне-неолитических или, вернее, энеолитических, как, например, Лёвшинская стоянка, и кончая Турбинским могильником и синхроничным последнему поселением близ хутора Астраханцева на озере Грязном.

Стоянка у хутора Астраханцева, раскопанная Камской экспедицией ГАИМК под руководством Н. А. Прокошева в 1934—37 гг., является последним, наиболее поздним звеном в цепи поселений эпохи бронзы в районе устья р. Чусовой и датируется временем Турбинского могильника—концом второго тысячелетия до н. э. (13—11 вв.)¹.

Во вторую группу входят давно известные в науке стоянки у дд. Большие и Малые Отары, Карташиха, Табаево, Христофоровка и др., а также открытые в последнее десятилетие Казанская, Усть-Камская и Луговская стоянки, относящиеся к концу второго и началу первого тысячелетия до н. э.

Обе группы поселений расположены в долине крупных рек, у водоёма или на невысоких дюнных всхолмлениях.

Наиболее полно исследованным памятником первой группы является поселение близ хутора Астраханцева, где был вскрыт весь комплекс жилищ, состоящий из шести четырехугольных в плане полуземлянок, соединенных проходами и образующих замкнутый четырехугольник². Внутри жилищ были обнаружены очаги, ямки от столбов, поддерживавших кровлю, остатки обугленных бревенчатых стенок. Глубина землянок—свыше 1 м. Большой материал, полученный из раскопок поселения и состоящий из каменных орудий (из металлических изделий был найден лишь один разложившийся медный предмет) и обломков глиняной посуды, позволяет установить основ-

¹ Положение о синхроничности Турбинского могильника и стоянки у оз. Грязного принадлежит исследователю этих памятников Н. А. Прокошеву (примеч. авт.)

В печатных работах Н. А. Прокошева, а также в рукописи его большой специальной работы о поселениях бронзовой эпохи близ чусовского устья это положение отсутствует и даже опровергается (примеч. ред.).

² Кратк. Сообщ. ИИМК, II, 1939.

ные черты хозяйства древнего населения. Большую роль в хозяйстве играло рыболовство, на что указывают находки рыболовного крючка и большое количество каменных грузил.

Но не меньшее значение имела охота на дикого зверя, доказательством чего является большое количество наконечников стрел различных типов и размеров, очевидно, рассчитанных на разную дичь и птицу. Костные остатки почти не сохранились в песчаном грунте, и по ним удалось установить лишь 4 вида животных. Это—бобр, лось, северный олень и кабан.

Существовало ли земледелие у населения усть-чусовских стоянок в эпоху бронзы? Хотя во время раскопок поселений не были найдены ни зерна хлебных злаков, ни серпы, можно предполагать, что примитивное мотыжное земледелие здесь существовало, так как среди каменных орудий стоянки у хутора Астраханцева имеются наконечники мотыг и небольшие песты, которые могли служить для растирания зерна. Возможно также применение в качестве земледельческих орудий некоторых типов турбинских кельтов.

Факты, указывающие на существование скотоводства, немногочисленны, но достаточно показательны. Так, в одном из погребений Турбинского могильника медный вислообушный топор был завернут в шерстяную материю, сотканную из белой овечьей шерсти. Там же был найден нож с тремя фигурами баранов на рукоятке. Повидимому, земледелие и скотоводство уже существовали у населения стоянки близ хутора Астраханцева, но еще не являлись ведущими отраслями хозяйства.

Из второй группы поселений наиболее полно исследованной является Луговская стоянка, расположенная близ Елабуги на невысокой надпойменной террасе древнего берега Камы. Стоянка раскапывалась Камской экспедицией ИИМК в 1940 и 1946 гг. (исследование памятника еще не закончено) под руководством автора настоящего доклада. Здесь также был вскрыт комплекс жилищ, состоящий из 5 четырехугольных полуземлянок глубиной около 1 метра, связанных между собой проходами. Часть жилищ этого комплекса еще не исследована. Стены одной из землянок также были обложены деревом, остатки которого имели вид углистых полос, идущих вдоль границ жилища. Внутри землянок были расположены очаги и кое-где прослеживались ямки от столбов. Таким образом, в планировке, форме и внутреннем устройстве жилищ Луговской стоянки наблюдается большое сходство с жилищами стоянки у хутора Астраханцева и, так же как в последней, сохранение более древних местных традиций. Подобная планировка посёлка, повидимому, имеет место и в Усть-Камской стоянке, на которой в 1940 г. были проведены лишь рекогносцировочные раскопки.

Следует отметить, что к западу от исследуемого комплекса жилищ Луговской стоянки, вдоль древнего берега Камы, судя

по впадинам на поверхности, также вытянута цепь из нескольких жилищ, как на Северной стоянке у озера Грязного.

Но коллекция из раскопок Луговской стоянки носит совершенно другой характер, чем со стоянки у хутора Астраханцева. Она состоит из небольшого количества каменных орудий, остатков глиняной посуды и костей животных. Среди каменных орудий имеется несколько скребков, один наконечник стрелы, полированный топор-клин и небольшое количество отщепов и осколков кремня. Из металлических предметов обнаружено лишь втульчатое долото, найденное на западной окраине стоянки. Глиняная посуда также совершенно иная, чем на стоянке у хутора Астраханцева. Она разделяется на несколько групп, из которых лишь одна, очень небольшая, связывает керамику стоянки с более древней местной керамикой. Подавляющее большинство сосудов имеет плоское дно и повторяет типы хвалынской и андроновской посуды. Кроме того, в коллекции из раскопок стоянки имеется несколько сосудов, повидимому, круглодонных, с валиком вокруг горла, близких к ананьинским формам. Эта группа сосудов связывает Луговскую стоянку с более поздними памятниками ананьинского типа.

Таким образом, мы видим, что в керамике Луговской стоянки влияние древних традиций прослеживается слабое, преобладают переkreщивающиеся влияния срубной и андроновской культур, и в то же время появляются ананьинские формы.

Хозяйство населения Луговской стоянки и других поселений нижней Камы и в районе камского устья сильно отличается от хозяйства стоянок в устье Чусовой. Кости животных из раскопок Луговской стоянки (сохранились почти исключительно зубы) принадлежат домашним животным — лошади, крупному рогатому скоту, овце, свинье. Преобладают зубы крупного рогатого скота. Костей диких зверей обнаружено не было. На других вышеуказанных поселениях этого района также встречались кости домашних животных, что свидетельствует о сильном развитии скотоводства.

Для района нижней Камы и камского устья можно предполагать и значительно более развитое земледелие, чем в районе устья Чусовой. На это указывают отдельные находки бронзовых серпов, зернотёрка с Луговской стоянки и влияние земледельческих культур хвалынской и андроновской. Вероятно, в хозяйстве поселений этого района существовали и рыболовство, и охота, но они, повидимому, уже теряли свое преобладающее значение. Таким образом поселения конца эпохи бронзы на нижней Каме, расположенные в лесостепи, были тесно связаны с южными и с юго-восточными степными культурами с развитым земледелием и скотоводством, хотя в планировке и устройстве жилищ сохранили более древние местные традиции. Тип хозяйства этих стоянок является дальнейшим этапом развития по сравнению с несколько более ранними стоянками в районе устья р. Чусовой.

Ананьинская культура развивается на местной основе. Наиболее важные орудия ананьинцев—бронзовый втульчатый кельт и бронзовое копьё—в основном происходят из сейминско-турбинских типов путем скрещения с некоторыми другими формами и приспособления к более широким функциям.

Хозяйство ананьинцев с преобладанием земледелия и скотоводства является дальнейшим развитием хозяйства нижнекамских стоянок; причем, особенно усиливается значение земледелия. Начинается обработка земли уже не в пойме, а на высоких берегах рек, вследствие чего меняется характер земледелия: оно становится подсечным с выжиганием наиболее подходящих участков леса и последующей ручной обработкой земли мотыгой.

В связи с этим поселения также переносятся на высокие берега рек и в большинстве случаев приобретают защитные сооружения, состоящие из глубоких рвов и земляных валов, на вершине которых находились деревянные частоколы.

В настоящее время в науке известно свыше 20 укрепленных поселений (городищ), несколько неукрепленных селищ и свыше 10 могильников ананьинского времени (VII—III вв. до н. э.), расположенных по Каме и ее притокам, а также на прилегающих к камскому устью участках Волги и по р. Ветлуге.

Самым северным поселением ананьинского типа является селище близ дер. Скородум на р. Гаревой, правом притоке Камы, в Добрянском районе Молотовской обл.; наиболее южные ананьинские памятники—Маклашеевский могильник на берегу р. Утки в Куйбышевском районе ТАССР и могильник на урочище „Пустая Морквашка“ на правом берегу р. Волги, немного выше Казани. Западной границей служит бассейн р. Ветлуги; наиболее восточными памятниками являются городище и могильник при впадении р. Уфы в р. Белую (см. карту: Кр. Сообщ. ИИМК, IX, 1941).

Раскопки ананьинских поселений дали возможность вскрыть хозяйство древнего населения с его локальными особенностями, определить состав стада домашних животных—лошадь, корову, овцу, свинью, причем на различных поселениях преобладали различные животные, вероятно, в зависимости от местных условий; выяснить характер и орудия охоты (преобладала охота на пушного зверя) и рыбной ловли, установить наличие металлургии меди, производство орудий и других предметов из кости, обработку кожи, растительного волокна, ткачество, плетение и шитьё.

Во время раскопок Концгорского селища в нижнем течении р. Чусовой было вскрыто жилище ананьинцев, пока единственное жилище на поселениях ананьинского времени. Оно представляло собой длинный дом полуподземного типа (свыше 40 м длины и 4—6 м ширины) с 9-ю очагами, лежащими по средней линии. Это было, очевидно, жилище родового коллектива. Возможно, что планировка этого жилища является отражением древних традиций и представляет собой видоизменение

небольших полуземлянок, вытянутых в одну линию и связанных проходами. Это жилище было вытянуто с севера на юг так же, как жилища на стоянках у озера Грязного.

Изучение костного материала из раскопок ананьинских могильников позволило выявить физический тип древнего населения.

Анализ погребального обряда дал возможность частично выяснить религиозные представления ананьинцев, -- представление о загробной жизни, о путешествии на тот свет по реке смерти, о роли огня в погребальном обряде.

Изучение инвентаря погребений позволило вскрыть расслоение внутри ананьинского общества, выделение родовой знати, существование рабства патриархального типа, разделение членов рода на несколько групп, подчиненное положение женщины.

Некоторые предметы с поселений и из погребений позволили установить связи ананьинцев со скифским миром, Сев. Кавказом, Сибирью и Средней Азией и датировать отдельные памятники датами абсолютной хронологии.

Из новейших неопубликованных исследований по археологии Урала

И. А. ТАЛИЦКАЯ.
(Москва, ИИМК АН СССР)

СПРАВОЧНИК ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ПАМЯТНИКАМ БАССЕЙНА р. К А М Ы

(По материалам, собранным М. В. Талицким)

Составление археологической карты—серьёзная и ответственная работа и по большей территории непосильная для одного человека. При её составлении учитываются только вполне определённые памятники. Если же они разрушены временем, человеком или природой, должна быть твердая уверенность, что памятник существовал. И если не сам составляющий карту его обследовал, то сведения должны быть получены от лица, вполне заслуживающего доверия. При составлении археологической карты должно быть налицо довольно полное описание памятника, его план или фотография (лучше и то, и другое), история исследования и раскопок, хотя бы краткое описание находок и рисунки наиболее характерных и интересных предметов, указание места хранения коллекций и, по возможности, датировка впамятника.

В то же время крайне нежелательно пренебрегать и так называемыми „непроверенными“ сведениями, идущими от местных жителей, от любителей краеведов, от музейных работников и т. п. В практической работе археологов именно эти сведения помогают открывать археологические памятники.

Работая по археологии Прикамья, Михаил Васильевич Талицкий собрал большой материал по археологическим памятникам, особая ценность которого в том, что сведения, разбросанные по разным источникам, сконцентрированы в одном месте, и имеются данные, вообще нигде не опубликованные (результаты обследований Михаила Васильевича, его работы над материалами местных музеев, над архивом Теплоуховых в Молотовском областном музее, использование уникальных местных изданий и т. п.).

М. В. Талицкий погиб в 1942 г. в бою за Родину, и на мою долю выпала почётная и печальная обязанность привести этот материал в порядок, сделать его доступным.

Михаилом Васильевичем собраны сведения более чем о 2500 памятниках по Прикамью и соседним с ним районам.

Имеющийся материал безусловно не освещает полностью истинного положения вещей и общего количества памятников и

даже степени изученности территории. Немалый процент падает на непроверенные сведения. Другими словами: на основании материала, собранного М. В. Талицким, нельзя составить подлинной археологической карты, отвечающей всем требованиям. Тем не менее, материал настолько велик, что не использовать его было бы непростительно. Поэтому я и назвала работу „Справочник“, а не „Карта“, что позволило мне привлечь все имеющиеся в моём распоряжении данные. Многие пришлось и дополнить, так как материал собирался для других целей, и нередко наиболее известные памятники или были совсем пропущены, или только упоминались. В таком положении оказались памятники, обследованные лично М. В. Талицким (например, район р. Иньвы), и результаты работ последних лет Камской экспедиции ИИМК. Этот пробел я постаралась восполнить, привлекая архив М. В. Талицкого и предвоенные археологические работы. Большинство сведений из старой литературы мною также проверено.

При составлении данного справочника мною взят лишь район бассейна р. Камы (около 1500 памятников).

Сведения о каждом памятнике представляют собой небольшой, но законченный отрезок работы, а название „Справочник“ позволило мне стандартизировать эти сведения. При описании каждого памятника моей целью было в точно определённом порядке ответить на следующие вопросы: 1) название и вид памятника; 2) дата и автор (или авторы) даты; 3) местонахождение (место на карте, название близлежащего населённого пункта, новое и старое административное деление); 4) река или бассейн реки; 5) текст (не связывая себя исчерпывающими сведениями о памятнике, я пыталась в этой части описания ответить на следующие вопросы:— а) когда и кем открыт памятник; б) когда и кем исследован; в) краткое описание памятника, раскопок, находок; 6) литература; 7) место хранения коллекций. К сожалению, далеко не всегда имелась возможность ответить на все эти вопросы.

Все памятники, охваченные справочником, мною нанесены на карту, в основу которой взяты миллионные (масштаб 1:1000000) листы основной международной топографической карты (размером 6 по широте и 4 по долготе). Каждая миллионная карта делится на 4 пятисоттысячных и на 144 листа стотысячных (0,30 по широте и 0,20 по долготе). Местонахождение памятника на карте определяется шифром, показывающим:— 1) лист миллионной карты, 2) лист пятисоттысячной и 3) лист стотысячной карты. Напр.—0—40—А, 28. Таким образом точность нахождения указывается до $\frac{1}{144}$ листа миллионной карты.

Ввиду того, что общая карта может показать только общее расположение памятников и до некоторой степени их соотношение, мною составлен альбом карт пятисоттысячного масштаба, позволяющий разглядеть вид и № памятника и название близлежащего населённого пункта. Для большого скопления памятников мною использованы карты стотысячного масштаба.

Нумерация памятников дана сплошная с № 1 по № 1440 (имеются двойные №№). Порядок, принятый мною, таков: от устья к истокам с заходом в том же порядке на все притоки.

Весь материал разделён в виде оглавления и для удобства пользования на 45 разделов (см. оглавление к справочнику). В основу этих разделов принята система М. В. Талицкого по рекам. Разделами являются или отдельные притоки Камы, или крупные притоки притоков (напр., Чепца), или отрезки Камы или крупных притоков с входящими в эти отрезки мелкими притоками. Порядок тот же—от устья к истокам.

При составлении справочника я не ставила задачей дать распределение памятников по культурам. Но вопрос этот крайне интересен, данные (к сожалению, различных авторов, и не всегда сходные и ясные) в моём распоряжении были, и я позволила себе составить карты распространения памятников по культурам. Таких карт мною составлено пять—от палеолита до XII—XIV в. Их сопоставление даёт чрезвычайно наглядную картину, обнимающую историю заселения Прикамья на протяжении десятков тысячелетий.

Бассейн Камы был заселён с древнего времени. Стоянка Талицкого (см. стр. 11) датируется поздним палеолитом. Предполагаемые раскопки местонахождения „Пещерный лог“ близ вышеназванной стоянки вероятно подтвердят мнение М. В. Талицкого и В. И. Громова о существовании здесь среднего палеолита.

В устье р. Чусовой имеются поздне-неолитические памятники, а также памятники эпохи бронзы. Ананьинская культура—культура раннего железа (VI—III в. до н. э. по Збруевой) имеет довольно широкое распространение в Прикамье. Центром её могут считаться Нижняя Кама, Вятка и район г. Молотова.

Памятники Пьяноборской культуры (III в. до н. э.—V в. н. э. по А. П. Смирнову) расположены главным образом по Вятке и в нижнем течении р. Камы. Выше встречены лишь отдельные находки и памятники переходной группы к следующей—ломоватовской культуре (VI—IX вв. н. э. по Талицкому и Смирнову), которая широко распространена по всему бассейну Камы. Прекрасные могильники этого времени имеются в бассейне р. Сылвы близ Кунгура.

Богатейшие клады восточного серебра, которыми славится Прикамье, попали сюда вероятно во время расцвета ломоватовской культуры или в начале следующей, родановской культуры (X—XIV вв. н. э. по Талицкому)

Укреплённые поселения с мощным культурным слоем показывают развитие плужного земледелия.

Густота распределения памятников в бассейне Камы зависит не только от того, что тот или иной район был слабо заселён в древности, и даже не от того, что в моём распоряжении были не полные данные. Одна из обычных причин—слабая изученность территории. Белым пятном выделяется на карте среднее течение р. Камы—от устья р. Сивы до г. Молотова.

Почти совершенно не изучены р. р. Сылва, Косьва, Яйва. Много находок поступало и поступает из междуречья Камы и Вишеры (Чердынский р-н). Разведки и раскопки здесь совершенно необходимы. Не менее интересен бассейн р. р. Белой, Уфы, Обвы, Косы и верховья Камы.

В заключение привожу оглавление „Справочника“:

Раздел	1. Кама I (от устья до р. Вятки)	№№	1—33	вкл.
„	2. Вятка I (от устья до р. Кильмези)	„	34—61	„
„	3. Кильмезь (лев. прит. р. Вятки)	„	62—87	„
„	4. Вятка II (от устья р. Кильмези до устья р. Пижмы)	„	88—111	„
„	5. Пижма (прав. прит. р. Вятки)	„	112—139	„
„	6. Вятка III (от устья р. Пижмы до устья Чепцы)	„	140—165	„
„	7. Чепца (лев. прит. Вятки)	„	166—286	„
„	8. Вятка IV (выше устья р. Чепцы)	„	287—295	„
„	9. Кама II (от устья р. Вятки до устья р. Ижа)	„	296—318	„
„	10. р. Иж (прав. прит. Камы)	„	319—344	„
„	11. Кама III (от устья р. Ижа до устья р. Белой)	„	345—385	„
„	12. Белая (лев. прит. Камы)	„	386—456	„
„	13. Кама IV (от устья Белой до устья р. Буя)	„	457—476	„
„	14. р. Буй (лев. прит. Камы)	„	477—485	„
„	15. Кама V (от устья р. Буя до устья р. Сивы)	„	486—512	„
„	16. р. Сива (прав. прит. Камы)	„	513—547	„
„	17. р. р. Тулва и Осинка (лев. прит. Камы)	„	548—550	„
„	18. Нытва, Очёр, Ашав, Юг	„	551—563	„
„	19. р. р. Ласьва, Сюзьва, Качка (прит. Камы)	„	564—572	„
„	20. р. р. Верх. и Нижн. Муллянка (лев. прит. Камы)	„	573—584	„
„	21. Кама VI (окрестности г. Молотова)	„	585—590	„
„	22. Кама VII (прав. берег реки против г. Молотова)	„	591—597	„
„	23. Чусовая I (от устья до устья р. Сылвы,	„	598—621	„
„	24. Сылва (лев. прит. Чусовой)	„	622—701	„
„	25. Чусовая II (от устья р. Сылвы до верховьев Чусовой)	„	702—783	„
„	26. Кама VIII (от устья р. Чусовой до устья р. Туя)	„	784—789	„

Раздел	27.	р. Туй (прав. прит. Камы)	”	790—810	вкл.
”	28.	Гаревая (прав. прит. Камы)	”	811—844	”
”	29.	Ломоватовка (прав. прит. Камы)	”	845—848	”
”	30.	Обва (прав. прит. Камы)	”	849—925	”
”	31.	Чермоз (прав. прит. Камы)	”	926—929	”
”	32.	Косьва (лев. прит. Камы)	”	930—945	”
”	33.	р. Иньва (прав. прит. Камы)	”	946—1098	”
”	34.	Кама IX (от устья р. Иньвы до устья р. Кондаса)	”	1099—1106	”
”	35.	р. Кондас (прав. прит. Камы)	”	1107—1109	”
”	36.	р. Яйва (лев. прит. Камы)	”	1110—1118	”
”	37.	Кама X (от устья р. Яйвы до устья (Боровой))	”	1119—1133	”
”	38.	р. р.Боровая, Мошева (лев. прит. Камы)	”	1134—1163	”
”	39.	Вишера I (от устья до устья р. Колвы)	”	1164—1184	”
”	40.	Колва (прав. прит. р. Вишеры)	”	1185—1221	”
”	41.	Вишера II (от устья р. Колвы до верховьев)	”	1222—1247	”
”	42.	Кама XI (от устья Вишеры до устья р. Косы)	”	1248—1279	”
”	43.	р.р. Коса, Лолог (прав. прит. Камы)	”	1280—1341	”
”	44.	Кама XII (от устья р. Косы до гор. Кайгорода)	”	1342—1382	”
”	45.	Кама XIII (Верховья, выше гор. Кайгорода)	”	1383—1440	”

Общий объём „Справочника“, включающего также алфавитный и библиографический указатели, — около 30 печатных листов.

О. Н. БАДЕР
(Молотов, университет)

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА Р. ПОЛУДЁНКЕ БЛИЗ ТАГИЛА

Стоянка, расположенная в 12 км от Н. Тагила на р. Полудёнке, представляется более древней, чем памятники шигирской культуры, и даёт представление о неолитической культуре лесного Зауралья.

История изучения памятника, расположение и стратиграфия его уже описаны нами¹. Он исследовался автором по поручению Тагильского музея 3 года (1944—1946). Культурный слой его стратиграфически един.

Разведочная шурфовка и раскопки, вскрывшие за 3 года, благодаря тяжелым условиям, всего 375 кв. м, позволили воссоздать следующую картину неолитического поселения (рис. 1). Оно находилось на дне горной долины, недалеко от озера, ныне заболоченного, из которого вытекала тогда Полудёнка, на правом берегу последней, и располагалось на конце длинной, узкой, сложенной крупным песком и гравием косы, протянувшейся на заболоченной пойме в виде расплывчатого вала, не заливаемого в половодья. Площадь, занятая культурным слоем, равна 4000 кв. м. Почти на самом мысу обнаружены остатки двух четырёхугольных полуземлянок, окружённых остатками бревенчатой ограды овальной формы с большим диаметром в 20 м, с укрепленной на столбе калиткой (?) шириною в 1 м. Размеры жилищ реконструируются как 4,5 x 6 м. При этом в овал ограды свободно вписывается третье жилище, целиком разрушенное дорожным карьером в 1935 г.² На дне жилищ мощный очажный слой, но оформленных очагов не наблюдалось. Сохранились остатки обуглившейся и рухнувшей на дно берестяной кровли.

Вокруг ограды, в особенности на площадке между нею и речкой, культурный слой особенно содержателен. Без сомнения, сюда выносилась жизнь в тёплое время года. Здесь же обнаружены в разных местах три ямы разм. 1x2 м при глубине около 50 см, с однообразно выброшенной на одну сторону землёю в виде валика; на дне одной из них — скопление угля. Видимо, все эти ямы вырыты как очажные, причём есть осно-

¹ О. Н. Бадер. Новые раскопки близ Тагила в 1944 г.—Кратк. Сообщ. ИИМК, XVI, 1947.

² О. Н. Бадер. Археологические исследования на Урале в 1946 г.—Кратк. Сообщ. ИИМК, XX, 1948. Рис. 1.

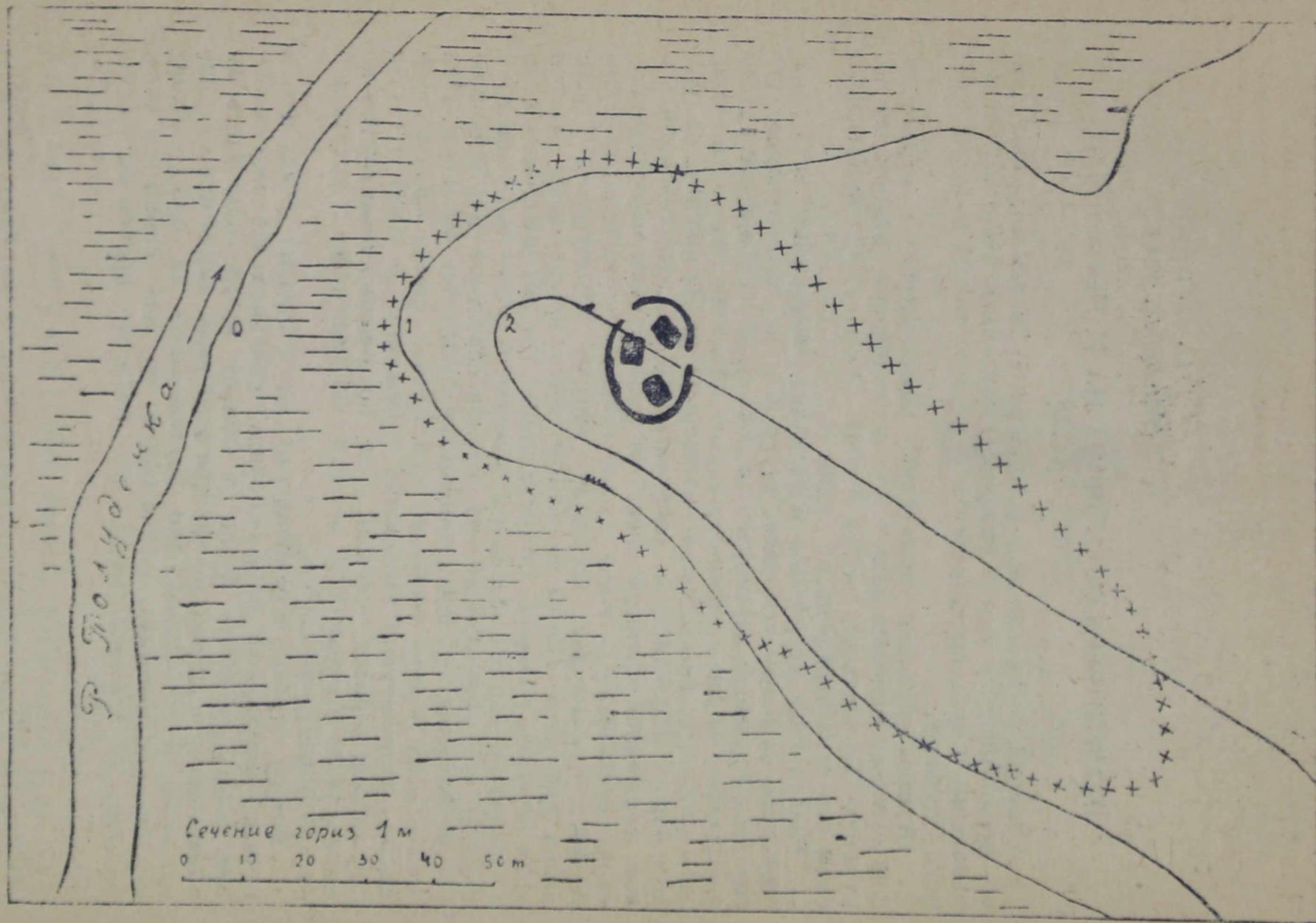

Рис. 1. Неолитическое поселение на р. Полудёнке (схематический план).

вание относить их к начальному моменту заселения площадки. Четвёртая яма, явно очажная, имеет округлые очертания.

Несмотря на однослойность памятника, на нём имеется незначительная примесь относительно поздних форм в виде обломков сосудов с оформленным горлом, с орнаментом в виде ромбов и треугольников, частью совсем поздней керамики с плоскими неорнаментированными днищами, а также в виде некоторых каменных орудий, как, например, наконечников стрел, близких сейменско-турбинским. Однако, эта примесь незначительна и отражает какие-то кратковременные позднейшие эпизоды в истории поселения. К тому же эти поздние элементы совершенно отсутствуют в заполнении жилища под остатками обвалившейся крыши; таким образом, описанный жилой комплекс целиком относится к неолиту.

Дошедший до нас производственный инвентарь — целиком каменный. Благодаря плохой сохранности кости имеется всего один обломок костяного шила, о дереве же говорить не приходится; впрочем, на дне одного из жилищ найден кусочек обугленной бересты с узорчатым резным краем.

Орудия охоты представлены разнообразными стрелами, ножами, шлифованными кинжалами и небольшими шлифованными топориками-томагауками. В очажных слоях несколько раз найдены сохранившиеся в обугленном виде кости лося, — видимо, он служил основным объектом охоты. Рыболовство не представлено в находках, но в его наличии сомневаться не приходится.

Крайне интересна находка „топора с выступами“, широко распространённого в восточно-сибирском неолите. Мы решительно высказываемся против принятого определения его в качестве топора: он всегда асимметричен в профиле, подчас достигает очень большой длины,¹ и скрепление его с рукоятью (для чего и служили выступы), без сомнения, было поперечным; для работы же в качестве теса по дереву он слишком туп. „Топоры с выступами“ — это, конечно, не топоры, не долота, а мотыги для земли. Они говорят о возникающем земледелии, которое в несколько более позднем соседнем Горбунове хорошо представлено заострёнными, изогнутыми палками из дерева, с педалями.

Орудия обработки дерева представлены великолепными образцами частью очень крупных полированных топоров клиновидной формы, полированными же массивными клиньями, теслами и желобчатыми долотами, а также крупными ножами с ретушированным пильчатым краем. Обработка шкур представлена многочисленными скребками, проколками опять таки ножами и резаками. Имеются также песты, тёрки, шлифованные плиты, колотушки, пешни (?), отжимники и др. орудия.

Глиняные сосуды полуяйцевидной формы, больших диаметров, со сплошь орнаментированной поверхностью. Техника —

¹ См. напр., в Свердловск. музее.

круговой налеп, к глиняному тесту нередко примешан тальк. Среди элементов орнамента ямочные вдавления почти совершенно отсутствуют. Преобладают гребенчатые (зубчатые) вдавления и волнистый штрих, благодаря чему керамика Полудёнки в отличие от ямочно-гребенчатой волго-окской и гребенчатой камской может быть названа гребенчато-волнистой.

Экономическая основа общества, обитавшего на Полудёнском поселении и ему подобных, может быть характеризована как охота и рыболовство в соединении с мотыжным земледелием, игравшим подсобную роль; стадия общественного развития — как родовая община с материнским правом.

Датировка Полудёнки вытекает из сопоставления ее с соседними памятниками на Горбуновском болоте (всего в 10 км.), наиболее ранней датой которых является середина 2-го тысячелетия до н. э. Из этого сопоставления вытекает, что Полудёнка старше Горбунова¹. Её дату, после открытия очажного слоя жилищ, мы определяем концом 3-го — началом 2-го тысячелетия до н. э.

Ближайшие аналогии Полудёнке мы имеем в нескольких неолитических стоянках, не так давно обследованных В. Н. Чрнецовым и С. Г. Бочем в Сев. Зауралье, в бассейне Сев. Сосьвы. Их объединяет с Полудёнкой: 1) сходство каменных орудий; широкие каменные ножи, ножи с зашлифованным лезвием, полированные наконечники стрел, общее сходство прочего инвентаря; 2) сходство керамики: полуяйцевидной, ручной лепки, с гребенчатым и волнистым орнаментом; 3) четырёхугольные, углублённые в землю жилища.

Это сходство столь далеких друг от друга памятников рисует картину широкого распространения в таёжном Зауралье родственных позднеолитических племен, создавших однородную культуру, которую можно назвать восточно-уральской таёжной неолитической культурой с гребенчато-волнистой керамикой или, для краткости, полудёнской культурой, поскольку на Полудёнке она наиболее полно представлена.

¹ Краткие Сообщ. ИИМК, XVI, 1947.

К. В. САЛЬНИКОВ
(Свердловск, университет)

ЗАМАРАЕВСКОЕ СЕЛИЩЕ.

Невысокий, вдающийся в пойму реки Исети мыс, в 0,5 км к востоку от села Замараева Шадринского района Курганской области привлекал внимание исследователей еще со середины XIX столетия. Здесь производил раскопки курганов, начиная с 50-х годов, один из первых уральских археологов-краеведов А. Н. Зырянов. В 1878 году в группе, состоящей из более чем 100 небольших курганов, 66 погребений исследовал Н. Ю. Зограф. Позднее здесь вел раскопки Ф. А. Уваров во время своего объезда зауральских памятников. Коллекции из раскопок погребений на Замараевском мысу содержат предметы трёх культур: 1) эпохи бронзы, 2) скифо-сарматского времени и 3) поздние материалы, относящиеся, видимо, к началу II тысячелетия н. э.

Это обстоятельство заставило нас во время обследования среднего течения реки Исети, производившегося в 1940 году по поручению Челябинского областного музея, тщательно осмотреть Замараевский мыс. При этом обнаружено лишь 7 курганов скифо-сарматского типа, но, помимо того, открыт в стенках песчаного карьера культурный слой андроновской культуры, а на поверхности замечено до десяти впадин, которые были определены, как следы жилищ.

Селище занимает площадь приблизительно в 34000 кв. м на западной оконечности мыса. Жилищные впадины тянутся на 160 м. в ряд по северному склону мыса, обращённому к заболачивающейся старице р. Исети.

Впадины имеют удлинённо-прямоугольную форму с продольной осью, перпендикулярной берегу. Несколько повышенной узкой поперечной полосой каждая впадина делится на две половины, что заставляет предполагать двухкамерность жилищ.

В 1946 году Уральским гос. университетом было организовано изучение селища¹.

Раскоп площадью 446 кв. м, шириной 12 м при наибольшей глубине 1,30 м. Кроме основного было заложено 4 небольших дополнительных раскопа для выяснения окружения жилища. Жилище представляло из себя прямоугольную полуземлянку длиной 26 м, шириной 9—11 м, глубиной от уровня древней поверхности 0,80--1,00 м. С востока, запада и юга жилище ограничено

¹ В состав экспедиции входили К. В. Сальников (начальник), Е. М. Берс (научный сотрудник), Ю. А. Бершицкий (фотограф) и студенты историко-филологического факультета Р. Д. Кормина, И. Ф. Житкова, Л. В. Котова, В. М. Сапунова и Е. Т. Дергачева.

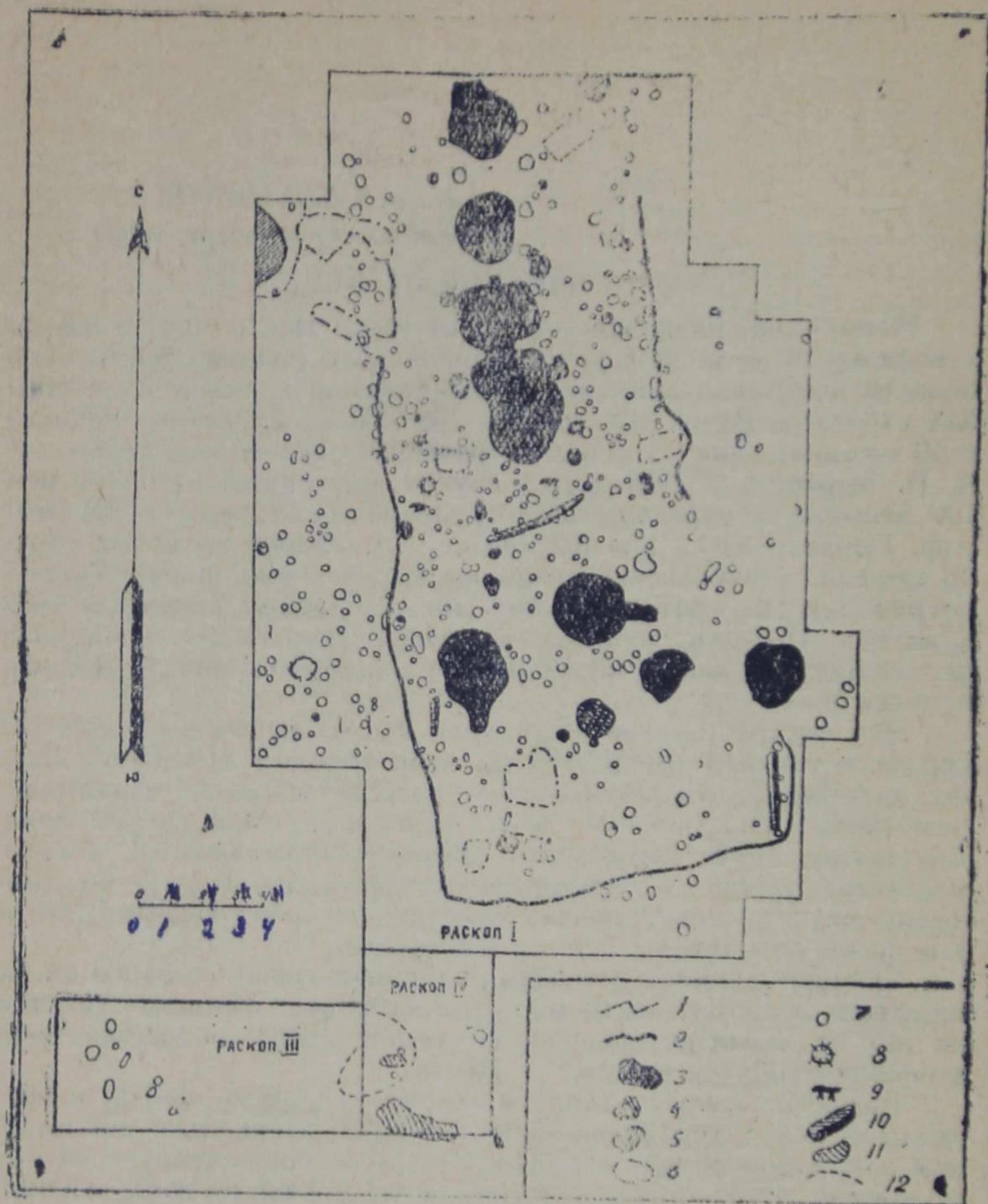

Рис. 2. План остатков жилища на Замараевском селище.
 1—границы раскопа; 2—земляная стенка жилища; 3—очажная яма; 4—очаг на уровне пола; 5—участки твёрдого чернозёма; 6—углубление в полу; 7—ямки от столбов; 8—сосуды и скопления черепков; 9—кость животного; 10—следы стен и перегородок; 11—поздние погребения; 12—границы площадки с кусками глиняной обмазки.

отвесными земляными стенками, которые в северном конце сходят на нет (рис. 2). В земляном полу жилища оказалось 8 очажных ям площадью от 2 до 6,5 кв. м, глубиной от уровня пола 0,60—1,10 м и больше. В ряде случаев определить глубину не позволила грунтовая вода, залившая ямы. Пять очагов тянулись в ряд через длину северных двух третей жилища, три очага составляли в южной трети также ряд, перпендикулярный первому. Заполнение очажных ям состояло из чередующихся слоев золы, углистой массы и культурных остатков. Верхний слой заполнения состоял из илистой массы, почти лишённой находок, являющейся заплывом, который образовался после оставления жилища обитателями. Кроме того, оказалось два поверхностных очага: один, находившийся в середине южной части жилища, представлял из себя сильно прокалённый участок песчаного пола диаметром 1,25 м, второй в ЮЗ углу состоял из прямоугольной площадочки 0,70 x 0,70 м, выложенной валунами и имитирующими их округлыми комками обожжённой глины.

В полу жилища или врезаясь в его земляные стенки, оказалось еще 9 углублений неопределённого назначения, глубиной 0,15—0,70 м, площадью 1—3 кв. м. Форма их преимущественно подпрямоугольная. Часть их, возможно, является поздними могилами, в которых не сохранились костяки. Большинство углублений заполнено обычным культурным слоем.

По всей площади жилища, а частично и за его пределами, насчитывается 382 ямки от столбов диаметром от 0,10 до 0,80 м (большинство имеет диаметр 0,20—0,30 м,) различной глубины: до 0,15 м.—83 ямки; 0,16—0,29—149; 0,30—0,49—108; 0,50—0,75—31. Строгого порядка в расположении ямок не наблюдается. Густо тянутся они вдоль восточной и западной земляных стенок северной половины жилища, куда входит большинство наиболее глубоких ямок. Такие же глубокие ямки окружают две центральные, тесно друг к другу расположенные очажные ямы, составляя правильный прямоугольник 7,5 x 3 м.

Возле этих очагов на земляном полу обнаружено несколько раздавленных сосудов, полные костяки небольших животных (овцы и теленка) и череп коровы. Поверх них прослежены куски обожжённых жердей. Под одним из костяков следы обугленной берёсты. Эти находки и случаи обнаружения на других участках пола обугленных жердей указывают на гибель жилища в результате пожара. Большинство же ямок является следами столбов от различных приспособлений внутри жилища: подпорок, нар, может быть столов и лавок и т. п.

В трёх пунктах в земляном полу оказались удлиненные узкие ямки—канавки шириной 0,10—0,15 м, длиной до 3,5 м, глубиной 0,08—0,20. Две из них шли вдоль земляных стенок, третья—поперек жилища в средней части там, где на поверхности была заметна перемычка во впадине. Это—следы вдавленных в пол деревянных стен и перегородок.

За пределами жилища в ЮЗ и СЗ углах раскопа оказались мощные зольники, густо проиризированные черепками и костями. В

зольниках же найдено большинство наиболее интересных поделок. В районе перемычки, разделявшей жилищную впадину на две части, оказалось также большое скопление золы.

В состав культурного слоя входило более 8000 костей животных, до 7,500 фрагментов керамики, 284 обломка кирпичиков и комков обожженной глины, около 70 поделок из бронзы, камня, кости и глины.

Кости принадлежат, повидимому, преимущественно домашним животным. Определения остеологического материала не проведено. Найдено несколько костей и щитков чешуи крупных рыб.

Обнаружены следующие поделки: из бронзы—обломок пластинки, возможно, конец ножа, спирально-завитой конец браслета, скобочки для починки сосудов, бесформенные маленькие слитки; из камня—мотыга, песты, тёрочные камни, обломки зернотёрок, кремневый скребок, крупное сланцевое скребло, точильные плитки, лощила из гальки, нож из тонкой сланцевой пластинки, обломки шлифованных орудий; из кости—шилъя, проколки, просверленная бедренная головка, плоская поделка, напоминающая капустную сечку—часть какого то сложного предмета; из глины—шарики (видимо, рыболовные грузила), льячка в форме глубокого ковшичка с носиком, литейные формочки для отливки шильца и крестообразной привески, пряслица из черепков. Кроме того, найдены кусочки медистого песчаника, талька, янтаря, незначительный (размером 2—3 спичечных головки) кусочек золота с нарезками, а также небольшие округлые гальки без следов обработки.

Керамику можно разбить на две группы. Первую составляют фрагменты обычных андроновских сосудов горшечно-баночной формы федоровского и алакульского типа (рис. 3),¹ покрытых гребенчатым и резным орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников, меандров, горизонтальных поясков и зигзагов, которые дополняются желобками, ямками, рядами уголков, изредка оттисками ногтя. Большинство фрагментов этой группы имеет примесь к глине толчёного талька или слюды, иногда очень сильную.

Во вторую группу керамики входят фрагменты сосудов, резко отличающиеся от керамики первой группы по составу глины, орнаменту, технике его нанесения и частично по форме. Орнамент в виде поясков из косых насечек, ёлочек, перекрещивающихся прямых и лишь изредка меандра, почти исключительно резной, нанесён грубо, небрежно. Часто на шейке этих сосудов рельефные, иногда наклепные валики, орнаментированные сплошной горизонтальной резной или гребенчатой ёлочкой. В глине примеси талька и слюды отсутствуют. Поверхность многих сосудов шероховата от примеси песка.

Эта группа керамики, составляющая приблизительно 20₀/₀

¹ См. „К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья“ в данном сборнике.

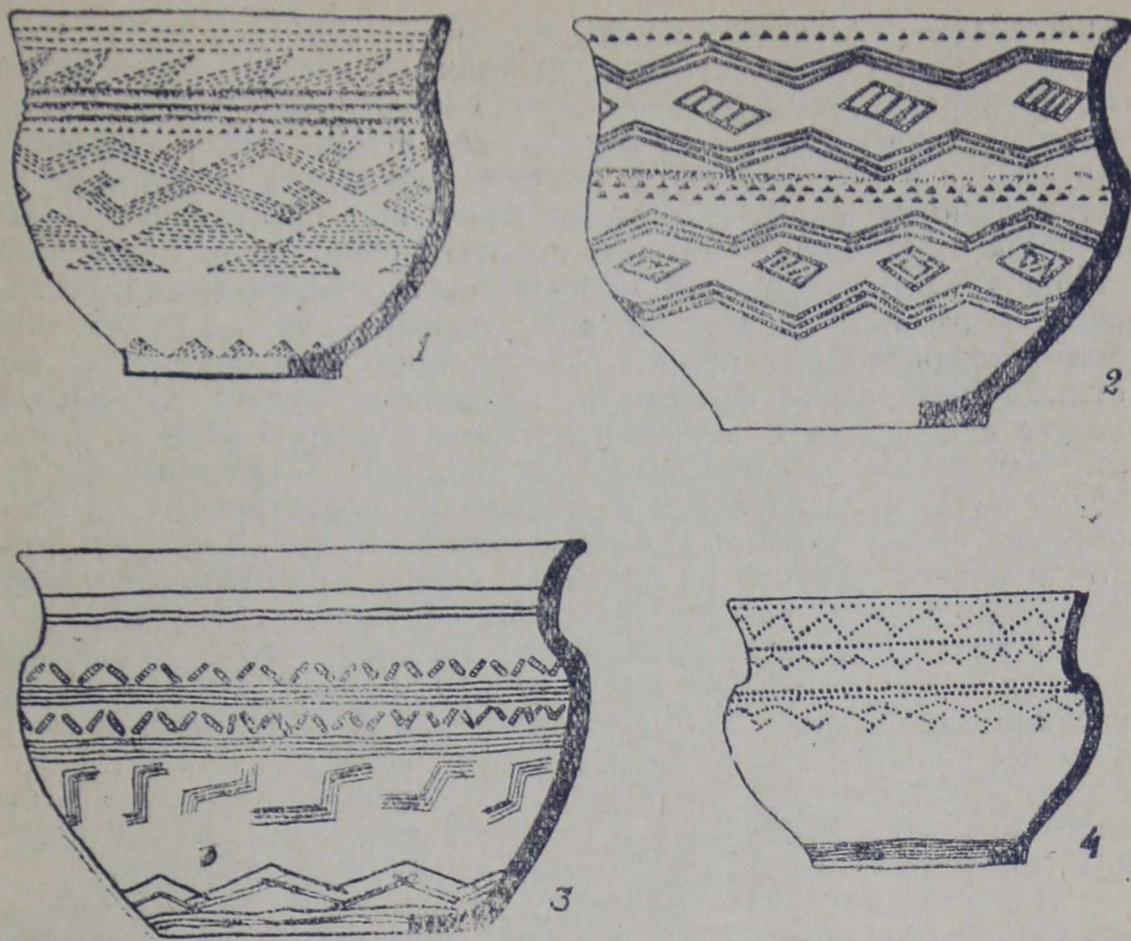

Рис. 3. Типы андроновской керамики Приуралья.

1, 2—федоровский тип; 3, 4—алакульский тип.

1—из раск. С. М. Дурылина в 1924 г. под Челябинском; 2—из раск. Н. К. Минко в 1909 г. у с. Исаково под Челябинском, кург. 17; 3, 4—оба из раск. Н. К. Минко в 1909 г. у с. Исаково, кург. 15.

всей массы керамики селища, не имеет аналогии среди известных в Зауралье памятников. Основными элементами орнамента, грубостью его нанесения, наличием валиков, составом глины она сильно отличается от обычной андроновской керамики. Но вместе с тем, наличие в составе орнамента меандра из заштрихованных полос, ёлочки, не позволяют рассматривать эту керамику как инокультурную по отношению к андроновской. В ней нужно видеть лишь особый—замараевский тип андроновской керамики. Причём по всем данным этот тип будет наиболее поздним среди прочих разновидностей андроновской посуды. Может быть, фрагменты с валиками имеют что-нибудь общее с сосудами с налепами из Алексеевского селища, которые там также расцениваются как поздние. Отдельные же черепки поздней замараевской керамики представляют из себя образцы—одни типичных бомбовидных сосудов, с прямым горлом и резной ёлочкой на плечиках, скифо-сарматского времени Зауралья, другие—ранне-ананьинских сосудов с „воротничком“.

О поздней дате замараевского типа керамики говорит её распределение на селище как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Она сосредоточена в трёх очажных ямах и на полу южной половины жилища и, наоборот, почти отсутствует в четырёх северных очагах, равно как на полу этой части землянки, встречаясь в северной половине лишь в верхних горизонтах, местами прикрывая очажные углубления.

В южной половине жилища, являющейся, несомненно, в основе одновременной с его северной половиной, наблюдаются признаки вторжения позднего сооружения замараевской стадии. Это сооружение уничтожило культурный слой с типично андроновской керамикой, которая здесь в заполнении жилища не встречается и обнаруживается лишь на полу в виде мелких фрагментов совместно с черепками замараевского типа, как остатки раннего андроновского сооружения, неполностью уничтоженного поздним жилищем. Особняком стоит четвёртый, самый восточный очаг южной половины жилища. Он расположен на пересечении с земляной стенкой землянки, причём участок стенки по соседству с ним также снесён. Надо полагать, что это след вторжения другого раннего сооружения. Этот очаг заполнен андроновской керамикой, а сверху перекрыт слоем с черепками замараевского типа.

Таким образом, юго-восточная часть территории раннего жилища, видимо, двухкамерного типа, после его гибели оказалась занятой краем новой полуземлянки той же стадии, а несколько позже весь южный конец первоначального жилища был перекрыт сооружением, отделенным от времени существования первого может быть 1—2 столетиями, но всё же в пределах андроновской культуры, в эпоху перехода её на новую ступень развития местного общества—скифосарматского. Следовательно, замараевская керамика должна датироваться началом первого тысячелетия до н. э. и может быть поставлена в параллель с карасукской керамикой Сибири.

А. В. ЗБРУЕВА
(Москва, ИИМК АН СССР)

ЛУГОВСКАЯ СТОЯНКА И МОГИЛЬНИК

Луговская стоянка и могильник расположены в посёлке Луговском Елабужского района ТАССР на краю надпойменной террасы р. Камы. Могильник находится на западной окраине стоянки. Раскопками 1940 и 1946 гг. на стоянке было вскрыто 5 жилищ (и часть 6-го), которые представляют собой четырёхугольные полуземлянки, связанные проходами. Наиболее интересно жилище № 5 со следами дерева вдоль стен. В очаге жилища № 1 были найдены человеческие кости, принадлежащие 13 особям. Изучение их дало возможность установить наличие монголоидных, европеоидных и метисных типов, что указывает на существование этих типов в Прикамье в эпоху бронзы¹. Находки состояли из небольшого количества каменных орудий, обломков глиняной посуды и костей животных. В 1940 г. на западной окраине стоянки во время раскопок могильника были найдены каменная зернотёрка и бронзовое желобчатое долото, не связанные с погребениями и относящиеся к стоянке. Глиняная посуда разделяется на 4 группы.

Первая группа состоит из мелких обломков толстостенных сосудов архаического облика с гребенчатым орнаментом, повидимому покрывавшим всю поверхность. Эта небольшая группа является связующим звеном между Луговской и более древней местной керамикой.

Ко второй группе относится довольно большое количество плоскодонных сосудов поздне-срубного (хвалынского) типа. Это или горшки (иногда острорёберные, изредка на поддонах), или банки с типичным орнаментом из углов и треугольников или ёлочек, расположенным в верхней части.

К третьей группе принадлежит также довольно большое количество плоскодонных сосудов андроновского типа с характерным орнаментом из заштрихованных углов и треугольников, а также меандров, нанесённых мелко-зубчатым штампом или резных, иногда покрывающим всю верхнюю половину сосудов.

Наконец, к четвёртой группе относятся несколько сосудов, повидимому кругодонных, с выпуклым валиком вокруг горла, близких к ананьинским формам, но с орнаментом, состоящим из отпечатков гребенчатого штампа или ямочек и лишь в одном случае из отпечатков шнура, типичных для посуды ананьинского времени.

¹ Определение костей человека из раскопок стоянки и могильника было сделано Т. А. Трофимовой.

Кости животных принадлежат лошади, корове, овце, свинье. Костей диких животных не встречено.

Ведущими отраслями хозяйства древнего населения стоянки были, повидимому, скотоводство и земледелие.

Весь комплекс материала из раскопок стоянки позволяет датировать её концом II—началом I тысячелетия до н. э.

Луговской могильник расположен на территории стоянки. В 1938—40 гг. было вскрыто около 58 погребений (31 мужское, 17 женских, 8 детских и 2 коллективных). Изучение костного материала позволило выявить монголоидный и метисный типы населения.

Могилы расположены 2-мя рядами, причём северный ряд древнее южного. Форма могил—четырёхугольная. Погребальный обряд—труположение головой на север, ногами к воде. Имеются погребения на разной глубине и в разных горизонтах одной могилы, индивидуальные и коллективные. Встречаются мужские погребения без черепов. Сравнение инвентаря мужских и женских погребений приводит к выводу о подчинённом положении женщин и, следовательно, о патриархальном типе ананьинского общества. Изучение погребального инвентаря даёт возможность установить социальное расслоение внутри ананьинского общества и существование патриархального рабства. Дата памятника—VII в. до н. э.

Н. П. КИПАРИСОВА
(Н. Тагил, музей)

ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО НА ГОЛОМ КАМНЕ

В полутора километрах от юго-западной окраины города Н. Тагила возвышается наполовину заросшая лесом гора Голый Камень со скалистой голой вершиной—шиханом. Её положение на границе между западной гористой и восточной равнинной частью района, высоко вздымающаяся голая вершина выделяют её из числа других горных вершин и позволяют видеть с высоты шихана величественную панораму покрытых лесом гор и долин между ними, а в другую сторону начало западно-сибирской равнины.

В 1910 году местный археолог С. Н. Топорков нашёл на вершине горы черепки глиняной посуды с орнаментом, обожжённые кости человека, глиняное украшение и бронзовую трёхлопастную стрелу. Кости были им посланы для определения в УОЛЕ, причём „среди этих костей оказались и кости человека“. Топорков пришел к заключению, что на Голом Камне сохранились остатки жертвенного места. Находки на Голом Камне продолжались и впоследствии. В 1939 году Д. Н. Эдинг обследовал этот памятник и также определил его как жертвенное место. В 1944 и 1945 г. О. Н. Бадер обследовал памятник и произвёл рекогносцировочные раскопки; были найдены кости животных и обломки керамики, констатировано отсутствие следов становища у подножия шихана и сделано заключение, аналогичное прежним,—что на Голом Камне сохранились остатки древнего жертвенного места. Действительно, предположить существование какого-либо другого памятника на вершине Голого Камня невозможно по характеру самого места, на котором находятся археологические остатки. Очень небольшая, неудобная, неровная скалистая площадка на вершине не могла служить ни местом поселения, ни местом погребения. Характер находимых вещей (прежде всего, обожжённые кости человека), этнографические параллели (Паллас о местах жертвоприношений у вогул и др.) и обычность расположения древних жертвенных мест на Урале и в Приуралье на возвышенных местах—делают неоспоримым заключение исследователей Голого Камня о характере памятника.

В 1946 г. автором по поручению Н. Тагильского краеведческого музея, под руководством О. Н. Бадера, были начаты раскопки жертвенного места на Голом Камне. Вершина шихана заканчивается небольшой неровной площадкой размером 15x30 м., вытянутой почти с З на В. Двумя глубокими расщелинами в скале, пересекающими обрывы шихана с севера и юга, площад-

ка разделена на две неравных части: более обширную и высокую восточную и меньшую, более низкую—западную. Края площадки из-за своей крутизны продолжают разрушаться и обрушиваться вниз, увеличивая осыпь у основания.

Поверхность шихана на $\frac{2}{3}$ представляет собой голую доритовую скалу и только в углублениях и трещинах залегает песчано-глинистый, мягкий слой с камнями. Глубина этого слоя различна: от 3—5 см до 36—60 см. Этот слой там, где он тонок, на всю глубину, а где глубок—в верхней своей части является культурным слоем: он золист, содержит угольки, массу обломков обожжённых и необожжённых костей и керамики, обломки костяных изделий и др. Культурный слой, особенно в верхней своей части сильно пострадал, а отчасти и погиб от сильных ветров, дождей и от массовых посещений вершины Голого Камня окрестными жителями.

Северная и южная расщелины заполнены осыпью мягкого слоя и камней, которая тоже содержит культурные остатки. Работами 1946 г. раскопано около 80 кв. метров—на восточной площадке шихана и в северной расщелине.

Шурфом, заложенным под северным обрывом, обнаружен на глубине 1,25 м под крупно-каменистой осыпью гумусированный, мягкий слой с угольками и кусками обуглившегося дерева; этот слой образовался на такой же крупнокаменистой осыпи, заполнив промежутки между камнями.

Разведками, раскопками и случайными находками составила большая и разнообразная коллекция вещей с Голого Камня. Там найдены: 1) обожжённые кости человека, 2) обожжённые и необожжённые кости животных, 3) костяные наконечники стрел¹ трёх типов: продолговатые, в разрезе овальные, с одним боковым шипом и ромбовидные гранёные, 4) обломки костяных ножей, 5) два (или один?) бронзовых или медных наконечника стрел²; стрела, сохранившаяся в музее, трёхлопастная со втулкой, местного изделия по образцу скифских, 6) глиняные пряслица³ орнаментированные с одной стороны, 7) небольшой каменный моховичек⁴, употреблявшийся при добывании огня, орнаментированный с одной стороны вихревой розеткой, 8) большое количество керамики. Керамика сделана ручной лепкой из местных легкоплавких глин с сильной примесью толчёного талька, сланцевых и других местных минеральных пород, достаточно хорошего обжига. По форме это горшки котлообразной формы с округлым широким дном. Размеры сосудов очень различны—внутренний диаметр горла от 5—6 см. до 24—36 см. Верхняя часть сосудов орнаментирована. По форме верхней части и по орнаменту керамика разделяется на два типа. Сосуды первого типа, более архаичного—без выра-

¹ Раскопки 1946 года.

² Находка Топоркова в 1910 г. и запись в инв. книге о находке в 1925—26 г.

³ Раскопки 1946 г.

⁴ Раскопки 1946 г.

женного горла; у некоторых сосудов этого типа верхняя часть стенки слегка утолщена или отогнута; орнамент штампованный или гребенчатый. Сосуды второго типа — с явно выраженным, отогнутым кнаружи широким низким горлом; в орнаменте к гребёнке и штампу присоединяется оттиск шнура, а на некоторых сосудах только шнуровой орнамент; край горла широкий и тоже орнаментирован. Неподалёку от шихана найдена печать в виде крупного кольца¹ из белого мрамора (часть кольца обломана) с резным изображением обращённых влево профилей мужчины и женщины, очевидно царя и царицы, в коронах; над изображением и на ободке — надписи греческими буквами.

Таким образом, несмотря на плохую сохранность памятника, вещественный материал довольно богат. Он позволяет говорить о прочных связях со скифским миром, о близости керамики к образцам ананьинского времени; если мраморная печать окажется подлинным изделием, а не позднейшей подделкой — то этим, очевидно, установится связь с Причерноморьем. Всё это позволяет отнести памятник ко времени между серединой и концом I тысячелетия до н. э.

Распределение вещей на самом памятнике подтверждает определение памятника, как жертвенного места. На самой высокой, скалистой части верхней площадки находится больше всего золы, угля и обломков обожжённых костей — следы жертвенных костров. В углублениях, окружающих эту скалу — скопление керамики, составляющейся в крупные части сосудов — остатки сосудов с жертвенной пищей. На высоком выступе скалы, над крутым обрывом — обломки костяных наконечников стрел и ножей; очевидно, где-то на этом выступе мог быть столб или дерево, подобно растущему здесь в трещине в настоящее время кедру, в которое вкалывались ножи и стрелы. У основания скалы, под самой высокой частью площадки, где под позднейшей осылью сохранился гумусированный слой со следами костров, могло производиться умерщвление жертвенных животных.

¹ Находка школьника Юры Суркова в 1945 г. на склоне горы.

Е. М. БЕРС

(Свердловск, университет).

НИКИТО-ИВДЕЛЬСКИЕ НАХОДКИ

В 1928—29 году рабочий Ивдельского Леспромхоза Г. С. Лещёв в окрестностях с. Никито-Ивделя Свердловской области, на вершине скалы, нависшей над рекой Ивдель, случайно нашёл обломок глиняного сосуда.

Под тонким слоем мха и почвы им был обнаружен культурный слой 10—15 см толщины, содержащий перегорелые и целые кости, золу и керамику. Найдено до 100 шт. черепков с ямочным и гребенчатым орнаментом. Некоторые из них по излому подходили друг к другу. Орнамент располагался по краю и боку сосудов.

В $1\frac{1}{2}$ км от места первой находки и в 4 км вверх по реке от г. Ивдель находится пещера, называемая Шайтанской. Заинтересовавшись своей находкой, т. Лещёв решил обследовать и Шайтанскую пещеру. Спустившись на дно пещеры, он обнаружил в ней груды костей, клыков и черепов медведя с пробитыми в черепах боковыми отверстиями для добывания мозга и множество нижних челюстей с вынутыми клыками, а также кучу углей и золы.

При раскопке дна Шайтанской пещеры т. Лещёв обнаружил на глубине 10 см культурный слой, не превышающий 8—10 см в толщину, с ограниченной площадью находок. В этом слое им были найдены вещи:

1) Две литые, полые внутри, скульптурно-выполненные художественной работы фигуры. Одна из них изображала зайца (рис. 4. ф. 1), вторая могла быть фигурой собаки или соболя. Металл, из которого сделаны эти две вещи, напоминает цинк. Металл этот белый, блестящий, гладкий, в изломе мелкозернист и тоже белый, при царапании его ногтем получает желтоватый оттенок. В соединении с азотной кислотой образуется зелень.

2) Нагрудная литая плоская бляха с выпуклым рисунком и с ушком для продевания шнура. Рисунок на бляхе изображает двух птиц, обращённых головами друг к другу, передние лапы соединены вместе и образуют треугольник между лапами и туловищем. Туловище и хвост слиты вместе. Концы открытой пасти или клюва оканчиваются кружками, от верхней части клюва, от кружков отходит по узкой полоске, проходящей по краю бляхи и хвосту. Концы хвоста, как и клюва, закончены дисками. Между головами крылатых птиц и у окончания туловища по бокам бляхи—кружки большого диаметра, которые отделяют одну часть тела

от другой. От туловища отходят чёрточки, долженствующие изображать перья крыльев (рис. 4, ф. 2).

3) Вторая найденная бляха меньше размером, с рисунком на обратной стороне. К ней припаяно ушко из красной меди. Металл, из которого сделаны бляхи—повидимому, олово. В момент находки металл на них оказался сильно окисленным, и бляхи были покрыты белым налётом.

4) 15 блях-пуговиц с разнообразным рисунком. Бляхи литые, выпуклые, односторонние, с внутренней стороны вдавленные и имеют перемычки для нашивки их на одежду. Рисунок на бляхах изображает или восьмиконечную звезду на середине бляшки, или четырёх-лопастной цветок, или орнаментированный круг, отстоящий на 1 см от края бляхи. Металл тот же, из которого сделаны фигуры собаки и зайца.

5) Металлическая поделка (обкладка ножен), отломленная с одной стороны, с изображением двух сросшихся туловищами животных, с отделяющимися от туловища головами и шеями, держащими в своей пасти отростки, отходящие от конца ножен. Исполнение как фигур зверей, так и остальных деталей,—художественной работы. Металл, из которого сделана эта вещь, тот же, что и фигур зайца и собаки (рис. 4, фиг. 3).

6) Серебряная монета, повидимому, западно-европейского происхождения, стёртая, с остатками надписи. К ней приделано ушко из меди.

7) Буса-пронизка в виде трубочки с тремя расширениями как-бы вместе слитых трёх бус, из красной меди.

8) 5 медных колокольчиков из красной меди с медными же внутри язычками в виде дробинок.

9) Два железных наконечника стрел, покрытых сильной ржавчиной, с жальцами и острыми втулками для насадки на древко.

10) Костяной плоский наконечник стрелы, заострённый с двух сторон, но без жалец, с винтообразным нарезом на втулке.

Больше ничего обнаружить в пещере не удалось, несмотря на то, что было взрыто всё дно пещеры на глубину, указанную выше.

В 8 км от Ивделя, при устье реки Лаксея, при впадении его в р. Ивдель, в обрыве, находится обширная сталактитовая пещера, проникнуть в которую можно с большим трудом.

Вход в пещеру сплошь покрыт глиной. В глубину пещеры надо спускаться с помощью лестницы или верёвки. Дно пещеры завалено щебнем, отвалившимся со стен и потолка, среди которого имеются кости, повидимому, лося. Площадь сухого дна не превышает 4 кв. сажен, а остальная часть залита прозрачной водой, через которую видны кости подобные тем, что и в сухой части пещеры.

Дно пещеры на 8—10 метров ниже уровня реки. В проходе, покрытом глиной и ведущем в пещеру, найдены были т. Лещёвым следующие вещи:

1) Костяные наконечники стрел разных форм: одна ромбовидная со стёсанными боками, вторая—трёхгранная и третья—

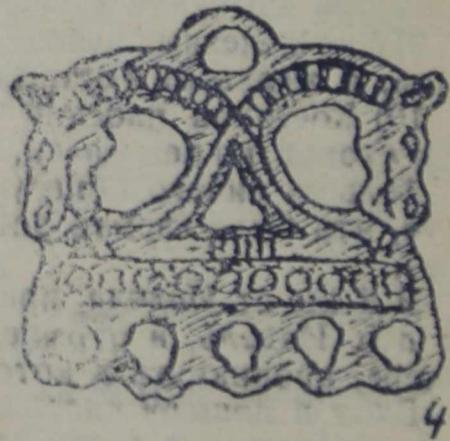

Рис. 4. Найдки из Никито—Ивделя.

копьевидная, сглаженная с двух сторон от основания. Костяные стрелы хорошо отделаны, цвет жёлтый.

2) Бусы из красной меди, нанизанные на истлевшую от времени жилу. Бусы двух типов: круглые, в виде головки мака и трубочкой с тремя кольцевидными ободками по краям.

3) Серьга или подвеска из красной меди.

4) Плоская, гладкая, четырёхугольная бляха из металла, напоминающего олово, с выпуклым бортиком по краю.

5) Четырёхугольная бляшка с прорезью в обратной стороне её выпуклости, в форме коротких гвоздей для прикрепления к кожаному поясу. Бляшка из белого металла, аналогичного тому, из которого сделана фигура зайца из Шайтанской пещеры.

6) Плоская литая бляха из белого металла с ушком для подвешивания, изображающая две конских головы, обращённые в разные стороны. Между головами и шеями—прорезь. Конец бляхи волнистый, с круглыми пятью прорезями, между ними и концами конских голов—изображение в виде пластинки с десятью круглыми непрорезанными кружками.

7) Два железных наконечника стрел очень плохой сохранности и очень грубой работы, по форме подражающие костяным наконечникам стрел.

Вещи, найденные т. Лещёвым, были отосланы в Свердловский музей, где и хранятся.

В районе города Ивделя эти находки не единичны, ещё в прошлом столетии там находили человекообразных идолов¹.

Известны пещеры со следами пребывания в них животных^{1,2}.

У д. Никито-Ивдель на р. Лозье в 1881 г. был найден „клад“ религиозных изображений из серого сплава. Согласно сообщению А. Ф. Теплоухова, на р. Лозье была найдена одна „бронзовая“ коньковая привеска³. Если сопоставить вещи из Ивдельских находок 1928—29 г. с аналогичными вещами, найденными на Урале, то удастся подойти к датировке найденных вещей.

Керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, найденная на вершине скалы над р. Ивдель вместе с костями животных, известна на восточном склоне Урала в эпоху бронзы и железа в течении II и I тысячелетия до н. э.; так как других предметов с ней не найдено,—более точно она датирована быть не может. Поскольку участок первой находки расположен на высоком обрыве над рекой (что неудобно ни для места поселения, ни для временного стойбища), можно предположить, что здесь было жертвенное место.

¹ Малахов М. В. Сообщение о поездке на Урал. Известия ИРГО т. XVII, вып. V, стр. 103.

Он же. Письмо к Л. Ивановскому (находится в архиве Музея Антропологии и Этнографии).

² Горный журнал 1840 г. № II стр. 23.

³ Из сообщения Булычева, архив В. Я. Толмачева, стр. 849, Свердловскария.

Находки из Шайтанской пещеры — тоже жертвенного места, — увязываются с рядом других подобных находок. Полые литые фигурки зверей из белого металла, сплава меди с оловом, а иногда и с цинком, или, как определил А. Ф. Теплоухов, „из тёмной сталевидной бронзы, тщательно отполированной на поверхности“¹, встречаются как в Предуральи, так и в Зауральи, причём по исследованиям А. В. Шмидта и А. А. Иессена² „особого внимания заслуживает покрытие многих объектов тонким слоем олова . . . Этот технический приём, объясняющий серебристый цвет многих бронз этого времени“, иногда давал основания предполагать, что фигуры сделаны из серебра. Литые фигуры животных встречаются в Камском крае, их подробно описывает А. В. Шмидт. Эту группу составляют скульптурно выполненные двухсторонние фигуры размером от 2 до 4 см высоты. Все они внутри полые. Небольшое отверстие на спине служило для привешивания кожанного ремешка, на котором они прикреплялись к костюму. Некоторые изображения, в целях более удобного пропускания ремешка, имеют вид трубочек. Остатки ремешка внутри них сохранились и до наших дней. В изобилии встречаются изображения медведей, куниц или соболей, зайцев, коней, уток и т. п. Главная масса этих предметов сделана из сплава меди с оловом или цинком. Способ изготовления очень многих вещей, несомненно, отливка³. Датирует Шмидт эти фигуры VI—VIII веками н. э. Этой же датировки придерживается Н. А. Прокошев при описании медведя в комплексе с другими вещами Турбинского клада 1926 г.

В Зауралье подобные фигурки животных встречались у д. Палкино близ Свердловска. Найденные купцом Сиговым две фигурки медведей, принятые им за серебряные, были из сплава и имели полые отверстия на спине⁴. Полый медный зайчик, найденный около Наногского городища и приобретённый Дружининым во время его работ⁵, раскопки Кузнецовым кургана в бывшей Томской губернии дали также бронзовую фигурку сидящего зайца⁶ с ожерельем на шее, причём вещи, находимые в кургане, примыкают к приуральским культурам, а фигура зайца сходна с находкой Дружинина. По найденным в кургане китайским монетам эти находки датируются VIII в. н. э.

Тождественны этим находкам также находки полых фигур зайца и конька, приобретённые в бывшем Тарском округе Тобольской губернии одновременно с птицевидными идолами. Фигуры животных из Шайтанской пещеры имеют следы чекан-

¹ Теплоухов А. Ф. Древности Пермской Чуди. Пермь 1893 г.

² А. В. Шмидт и А. А. Иессен. Олово на севере Европейской части СССР. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—33 гг. М. 1935 г. вып. II, стр 211—212.

³ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля. Сб. Музея Антропологии и Этнографии т. IV.

⁴ Н. А. Прокошев. Советская археология, т. III, 1937

⁵ Отчёт Императорской Археологической Комиссии за 1891 г. стр 106—107.

⁶ Отчёт Императорской Археологической Комиссии за 1896 г.

ки, как и почти все фигуры, относящиеся к этому же времени. Все эти данные позволяют нам отнести фигуры зайца и собаки из Шайтанской пещеры к VI—VIII веку н. э.

Тожественных нагрудных блях с бляхой из Шайтанской пещеры пока не встречалось; обращает на себя внимание сюжет двух крылатых птиц, характерный для Пермского края.

По композиции с напоминающими эту бляху изображениями мы встречаемся у А. А. Спицына (описанные им находки у дер. Шипициной Чердынского уезда, из коллекции Зеликмана). Вместо птиц на этих бляхах изображены медведи, также обращенные головами друг к другу. Эти изображения с бляхой из Шайтанской пещеры сближают кружки или диски, отделяющие одну часть тела от другой и расположенные как между головами, так и между другими частями туловища. В отличие от бляхи Шайтанской пещеры эти кружки прорезные. Вторым, объединяющим эти находки признаком, является мирное изображение зверей, указывающее, что это не борьба. Спицын датирует шипицинские находки VIII—IX вв. н. э.¹

Учитывая, что найденные бляхи—пуговицы состояли из того же металла, что и вышеописанные вещи, и часто встречаются в памятниках этого времени, можно предположить, что и они являются одновременными с найденным комплексом вещей, бытовавших в VII—VIII в. в. нашей эры.

Отдельно по времени определяется пронизка из красной меди, найденная в Шайтанской пещере; она может быть датирована XII веком, по аналогии с пронизками, встречающимися в X—XII веке².

Находки в пещере у устья р. Лаксея надо считать относящимися к более позднему времени, чем находки в Шайтанской пещере.

Описание бус из красной меди в форме головки мака, подобные тем, какие были найдены в Лаксейской пещере, встречаются также в литературе; такая буса изображена в атласе рисунков у Спицына³, найдена она в деревне Даниловой быв. Гаинской волости Чердынского уезда; аналогичная ей описана Прокошевым в его статье о погребении на Чусовой⁴. И тем, и другим исследователем бусы этой формы датируются X веком н. э.

К этому же времени следует отнести и бусу из Лаксейской пещеры.

¹ Спицын А. А. Шаманские изображения. Записки ИРГО т. VIII стр. 38, 69, 124, рис. 318, 320.

² Древности Камской Чуди. Атлас рисунков с предисловием А. А. Спицына, табл. XXXVIII, рис. 35, табл. XXXIX, рис. 9; табл. XXIV, рис. 2, табл. XI, рис. 6, 8.

³ Там же, табл. XXXVIII, рис. 35, и табл. XXXIX, рис. 9, табл. XXIV, рис. 6, 8.

⁴ Н. А. Прокошев. Погребение на р. Чусовой.—Советская археология т. III стр. 127.

Найденная бляха с прорезью может быть сопоставлена с бляхой, обнаруженной в деревне Михалёвой Чердынского уезда, и датируется А. А. Слицыным X—XI веком нашей эры¹.

Литая привеска—конек типична для ряда находок подобных коньковых привесок, встречающихся на Урале с VI по VIII в. н. э. и до более позднего времени и претерпевающих ряд стилистических изменений. Найденная в Лаксейской пещере привеска—конек тождественна с находками таких же коней в с. Ильинском на р. Обве, в дер. Подбобыке на р. Вишере, в деревне Урья на р. Ошеве, притоке Косьвы, в деревне Идогове по р. Егве, впадающей в Обву,² и датируются Слицыным X—XI в. (рис. 4, ф. 4).

Наконечники стрел костяные и железные, найденные в пещерах у Ивделя, встречались в ряде памятников бассейна р. Камы и других районов и бытуют в течении нескольких столетий, начиная от пьяноборско—гляденовской культуры; поэтому можно предположить, что они могут быть одинаковы по времени с найденными вещами.

Таким образом, вещи в Лаксейской пещере датируются X веком нашей эры.

¹ Древности Камской Чуди. Атлас рисунков с предисловием А. А. Слицына.

² Ук. соч.

А. А. ИЕССЕН

(Ленинград, Гос. Эрмитаж)

УРАЛЬСКИЙ ОЧАГ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ

Вопрос об истории развития производства металла и металлических изделий на Урале и в прилегающих районах до настоящего времени слабо разработан. Он охватывает большой круг частных проблем, полное освещение которых невозможно дать в одном докладе. Моё сообщение даёт предварительные итоги проводимой мною работы лишь по вопросам добычи и использования меди и в основном ограничено эпохой медно-бронзового века.

В истории исследования этого вопроса можно наметить три этапа.

1-й этап—с середины XVIII до середины XIX века, когда регистрировались и частично описывались древние уральские рудники, обнаруживаемые в процессе развёртывания русской промышленности на Урале. Вместе с тем делались, с современной точки зрения совершенно необоснованные, попытки осознать историческое значение этих памятников (Паллас, Спасский, Эйхвальд, Лавров).

2-й этап—со второй половины XIX до 20-х годов XX века—характеризуется накоплением вещественного археологического материала по Уралу и Приуралью, начатым с открытия Аманьинского могильника. В составе этого материала основное внимание привлекали изделия из меди и бронзы. Изучение этих последних позволило Аспелину выделить особую группу урало-алтайского бронзового века, отличную от европейской бронзы по комплексу своих изделий и по происхождению. В 1901 году Штукенберг впервые отметил различия между уральской и сибирской („алтайской“) бронзой, а затем Талльгрэн в ряде работ развил и обосновал это положение.

3-й этап—последнее двадцатилетие—отмечен большой работой советских археологов по систематическому изучению территории Урала в археологическом отношении и по историческому осмыслению накопленного материала с позиций советской исторической науки. Освещая общее развитие культуры, советские археологи (Шмидт, Прокошев, Дмитриев и другие) характеризовали состояние и значение отдельных отраслей производства, в том числе и развитие металлургии и металлообработки в истории древнего населения Урала. Однако, специальному рассмотрению эта проблема не подвергалась за исключением очерка Збруевой и Дмитриева, оставшегося мне недоступным и пока неизданного.

Сейчас представляется вполне своевременным дать специальное исследование проблемы в целом с учетом всех ранее осуществлённых работ, для чего необходимо использовать как обще-историческую картину развития уральских племён, так и сведения об имеющихся изделиях из металла и данные о древнем горнорудном деле на Урале.

Такое исследование сейчас тем более необходимо, что ведутся значительные работы по истории русской металлургической промышленности Урала, причем предшествующее её дорусское развитие не получает должного освещения (работы Сигова, Кашинцева и др.)

Начатая мною работа позволяет сделать следующие предварительные выводы.

Сырьевой базой древнего производства меди Урала и Приуралья являлись многочисленные месторождения медистых песчаников пермской формации, известные в трёх больших группах: 1) по нижней Каме и Вятке; 2) по средней Каме и её притокам, к югу и северу от Молотова; 3) в Башкирии и Чкаловской области, гл. обр. в бассейнах Дёмы, Сакмары, Урала. Кроме того имели крупное значение и медные месторождения восточного склона Среднего и Южного Урала, главным образом колчеданного типа, на которых сейчас работают крупнейшие меднорудные предприятия Урала. Однако, так как древним рудокопам доступны были лишь верхние горизонты месторождений, представленные окисленными медными рудами, основное значение в древности имели не крупные с нашей современной точки зрения месторождения, а многочисленные мелкие скопления медных руд, имеющие выходы на поверхность и широко распространённые, главным образом, в области медистых песчаников.

Что касается прямых следов древней эксплуатации всех этих месторождений, то мы в литературе XVIII и XIX вв. имеем много указаний на то, что русские медные рудники в огромном большинстве случаев возникали на местах древних „чудских“ работ. К сожалению, об этих остатках на большинстве русских рудников до нас не дошло никаких конкретных сведений, т. к. работали они частными заводчиками или артелями, поставлявшими руду на заводы. Между тем, количество точек, на которых добывалась медь в XVIII—XIX вв., достигает не менее 8000, тогда как в литературе сведения о древних работах имеются в лучшем случае о 100—150 пунктах. Возможно, что некоторый дополнительный материал может быть почерпнут в бывших заводских архивах Урала и Приуралья, но совершенно ясно, что об огромном большинстве древних работ, бесследно уничтоженных, мы ничего уже узнать не сможем. В поле зрения учёной литературы XVIII и XIX вв. попали лишь немногие находки, сделанные главным образом на более крупных рудниках, эксплуатировавшихся казной или наиболее крупными частными заводчиками (например, рудники Гумешевский, Сайгачий, Каргалинские). Поэтому имеющиеся све-

дения о древних, так называемых „чудских“, рудниках Урала, весьма ценные для исследования техники древнего горного дела, дают лишь очень неполный материал для суждения о географическом распространении и хронологии его. В частности, почти полное отсутствие сведений о древних рудниках в районе Нижней Камы и Вятки не может быть использовано как аргумент против древней эксплуатации месторождений этого района.

В отношении хронологии древней добычи меди имеются лишь отдельные прямые указания на эпоху бронзового века (Каргалинские рудники), на ананьинское время (Гумешевский рудник), на эллинистическое и римское время (район Чкалова). Северная граница древней добычи меди, повидимому, проходила примерно по широте рр. Чусовой и Исети. Далее на север известны старые русские рудники XVII века на р. Яйве, но без указаний на наличие здесь более ранних работ. Нет таких указаний и по районам Тагила, Кушвы и Карпинска (б. Богословские заводы). Что же касается собственно северного и полярного Урала, то имеющиеся единичные сведения о добыче меди местным населением относятся лишь к XVIII и XIX векам.

Все сказанное приводит к выводу, что в качестве основного источника для выяснения истории древней уральской металлургии должны быть использованы древние изделия, литейные формы и другие остатки металлообработки. Этот материал, весьма обильный в общей сложности, тем не менее распределяется по отдельным территориям и хронологическим периодам крайне неравномерно, что сильно затрудняет его историческую интерпретацию.

Вопрос о первоначальном появлении металла и первичном возникновении металлургии на Урале пока может быть освещён лишь частично. К наиболее древним медным предметам можно отнести находки на стоянке Кисы-Куль близ Челябинска (бесчеренковый нож) и на Лёвшинской стоянке на Каме (нож и острие). Эти стоянки по общему облику культуры являются еще неолитическими и относятся к началу II тысячелетия до н. э. Подобные же архаичные изделия из меди в нескольких экземплярах известны в случайных находках из Татарской АССР. Наконец, на стоянке Бор на Чусовой в 1942 году найдены обломки глиняной чашки для плавки меди. Таким образом еще в I-й половине II тысячелетия до н. э. на обоих склонах Урала распространяются первые изделия из меди и их местное производство. Что же касается вопроса об источниках этого производства, то можно было бы допустить как самостоятельное его возникновение, для чего в эпоху развитого керамического неолита уже имелись необходимые технические и экономические предпосылки, так и ускоряющее воздействие более южных, ранее развивших свою металлургию, культур. Возможность такого воздействия доказывается хотя бы наличием большого числа медных предметов в южной, степной катакомбной культуре и её локальных аналогах, получавших металл, очевидно, с Север-

ного Кавказа, а также проникновением единичных таких изделий в лесные области СССР (Панфиловская стоянка, Дядьковичи). Неясен пока вопрос о возможности воздействия древних культур юга Средней Азии, т. к. промежуточные области для до-андроновского времени ещё совершенно не освещены.

Исходя из конкретной исторической обстановки, можно полагать, что наличие на юге знакомых с металлом культур вероятно оказало известное ускоряющее влияние на развитие первичной уральской металлургии, причем первые её очаги должны были возникнуть на южном Урале и в Нижнем Прикамье. Находка на стоянке Бор, в среднем Прикамье, весьма раннего местного производства меди заставляет считать, что на Нижней Каме и на Южном Урале подобные же находки в дальнейшем будут сделаны в еще более ранних комплексах.

Постепенное распространение и хозяйственное освоение металла в последующие периоды медно-бронзового века Урала и Приуралья хорошо может быть прослежено по памятникам второй половины II тысячелетия до н. э. К этому периоду относятся металлические изделия так называемых „абашевских“ типов, известные в Верх-Кизылском кладе (верховья р. Урал), в целом ряде единичных и комплексных находок на Урале, в Поволжье (Абашево) и Подонье (Тюнино). Изучение распространения изделий „абашевских“ типов (ножи, тесла, долота, серпы, вислообушные топоры, желобчатые браслеты, мелкие украшения) приводит к заключению об „уральском“ (включая и ниже-камский меднорудный район) происхождении этих типов. Также уральским является и происхождение так наз. „сейминско-турбинского“ комплекса металлических изделий, вероятно формирующегося несколько позже, чем абашевский, но отчасти с ним сосуществующего и по многим элементам близкого ему.

В отношении всего этого периода неясен еще целый ряд важнейших вопросов, в особенности же вопрос о территориальной приуроченности определенных комплексов металлических изделий к отдельным меднорудным районам. Намечающееся некоторое различие в составе южноуральских и среднеуральских находок (главным образом „абашевских“ на юге и „сейминско-турбинских“ на севере) должно быть проверено дальнейшим накоплением материала и уточнением хронологических и территориальных различий в составе и типах изделий.

Большой интерес представляет металлическое производство позднего бронзового века, соответствующего предскифскому или предананьинскому времени (начало I тыс. до н. э.). К этому времени относится также ярко выраженный комплекс изделий, представленный в кладах Сосновой Мазы (кинжалы, кельты, косари), Дербедани и множество других находок. Намечаются так же некоторые различия в составе и типах находок южно-уральских и более северных районов, требующие ещё детальной проверки на более полном материале.

Наконец, в ананьинский период VII—III вв до н. э. в При-

камье и на Среднем Урале продолжается широкое производство медных и бронзовых орудий и оружия, при постепенном параллельном освоении железа, тогда как в районах Южного Приуралья уже широко используется железо, а медь и бронза сохраняются лишь как материал для изготовления украшений, наконечников стрел и т. д. В этот период предварительно намечается два различных комплекса медно-бронзовых изделий, один из которых приурочен к Прикамью, а другой к восточным склонам Среднего Урала.

Дальнейшее использование меди в местном уральском металлургическом производстве, уже в условиях железного века, ограничивалось главным образом сферой культовых изображений („шаманских образков“) и украшений. Добыча меди для этих целей продолжалась по крайней мере до последних веков I тыс. н. э., а в северных районах, повидимому, и позже, вплоть до XVIII—XIX вв. Таким образом, общая длительность существования на Урале и в Приуралье местной металлургии меди в дорусский период достигает примерно 3500 лет.

Особой темой является вопрос о внешних связях древней уральской металлургии. Ограничиваясь эпохой медно-бронзового века, можно сказать, что распространение „уральского“ (в широком понимании) металла в изделиях прослеживается на весьма обширных пространствах; наиболее далеко оно сказывается в лесных областях Северной России (вплоть до Финляндии), Средней России (Сейма, Галич, и т. п.), а также и в Сибирской тайге (Приобье; „сейминские“ формы в Средней и Восточной Сибири требуют специального исследования). Однако, и со стороны Южного Урала в направлении на Запад такое распространение заметно весьма отчетливо. Так, ещё Г. В. Подгаецкий указал на южно-уральские связи литейных форм и изделий, найденных на древних поселениях в Воронеже; отдельные предметы приуральского происхождения (например, кинжалы сосново-мазинского типа) встречены вплоть до Киева, а может быть и западнее. Наоборот, на Востоке, в степной зоне Казахстана, мы сколько-нибудь заметного распространения уральской продукции не замечаем, что находит естественное объяснение в наличии в Казахстане собственных относительно мощных очагов металлургии, в соответствии с чем западная граница распространения казахстанских андроновских типов медно-бронзовых изделий проходит примерно через Курган, Челябинск и по р. Уралу.

Наконец следует отметить, что на территорию Урала в медно-бронзовый период проникают также и отдельные изделия извне, главным образом изделия казахстанского производства; что же касается импорта из Средней Азии и с Кавказа, то пока он не может быть прослежен бесспорным образом ранее ананьинского времени. Без рассмотрения мы оставляем пока вопрос о, так называемых, кельтах „меларского типа“, появление которых в Прикамье Талльгрэн объяснял воздействиями, идущим из Скандинавии.

Химические анализы древних медных и бронзовых изделий Урала и Приуралья пока известны в совершенно недостаточном числе. На их основании можно говорить лишь о появлении бронзы, т. е. сплава меди с оловом, ещё в конце II-го тысячелетия до н. э., повидимому только в районах Южного Урала. Широкое распространение бронзы по всей территории Приуралья и Урала падает лишь на ананьинское время. В I тысячелетии н. э. на Среднем и Северном Урале широко применяется олово в металлическом виде для полуды различных изделий из бронзы.

Не включён пока в работу вопрос об использовании серебра, впервые появляющегося в находках Турбинского могильника конца II тыс. до н. э. в виде импортных, повидимому, браслетов. Вопрос о древней добыче золота на Урале освещён в специальной статье, выходящей из печати в Свердловске.

Таким образом, в качестве итога можно указать, что по проблеме уральского очага древней металлургии наметилась возможность дать общий очерк его развития; однако, решение многих частных вопросов требует для полной обоснованности ещё значительной исследовательской работы.

Вопросы археологического изучения Урала

П. Н. ЧИРВИНСКИЙ
(Молотов, университет)

О БОЛЕЕ ТЕСНОЙ УВЯЗКЕ АРХЕОЛОГИИ С НЕКОТОРЫМИ СМЕЖНЫМИ РАЗДЕЛАМИ НАУК О МАТЕРИИ

(Тезисы)

1. Археологи в настоящее время в своих работах в поле и в кабинете достаточно связаны с геологами, особенно четвертичниками. Имеется достаточная связь у них с этнографами, антропологами, зоологами и ботаниками, в частности с геоботаниками.

2. Связь археологов с петрографами, химиками, технологами и металлургами недостаточная.

3. Связь эта должна быть более тесной, должна быть взаимная осведомленность, нужно археологам не только консультироваться с представителями этих наук, но и интересоваться их теми вопросами познания памятников материальной культуры, которые они изучают.

4. Нужно систематически внедрять в археологические работы элементы петрографической, химической, технологической характеристики найденных объектов, чего ещё нет в настоящее время.

5. Археологические находки иногда заключают в себе крайне важные указания для поисков пород и месторождений полезных ископаемых, ибо даже человек каменного века был большим знатоком обитаемого им края, был краеведом в широком смысле слова (докладчик привёл примеры из практики открытия змеевика и обсидиана на Северном Кавказе). Всем известны на Урале и в Средней Азии, так называемые, чудские разработки и др., иногда за ряд последних лет считаемые новооткрытыми.

6. Интересно для петрографов, метеоритиков и астрономов мнение археологов о загадочных ископаемых стёклах, известных под именем тектиты, в частности молдавиты, а также о кусках плавленого кремнезёма в Аравийской пустыне (хорошая коллекция такого рода стекловидных масс имеется в коллекции метеоритов Академии наук СССР). Этого рода объекты совершенно ещё неизвестны в кругах археологов. Их вниманию на русском языке можно рекомендовать статью Е. Л. Кримова в „Природе“ №12, 1946, озаглавленную Тектиты.

Информационные сообщения о работе на местах

КАБИНЕТЫ АРХЕОЛОГИИ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХ В СВЕРДЛОВСКЕ И МОЛОТОВЕ

Уральская археология за годы отечественной войны и последующее время понесла тяжелые потери, лишившись основной части ведущих специалистов—работников московских, ленинградских и уральских организаций. Тем отраднее факт включения в штат Уральского и Молотовского университетов специалистов-археологов, начало подготовки на Урале молодой археологической смены и организация при обоих университетах кабинетов археологии, являющихся средоточием научно-исследовательской работы по археологии Урала.

Кабинет археологии Урала при Уральском университете (Свердловск) существует с середины 1945 г. и работает под руководством известного исследователя Южного Урала К. В. Сальникова и Е. М. Берс. Кабинет археологии при Молотовском университете возник в феврале 1947 г. и организуется под руководством О. Н. Бадера. В обоих кабинетах сосредоточены учебные материалы и коллекции, наглядные пособия и археологическая литература. Оба кабинета—место для специальных занятий студентов.

В то же время кабинеты являются лабораториями, куда поступает и где обрабатывается материал новых раскопок. Так, в Свердловске обрабатывается материал произведённых в 1946 году первых раскопок Уральского университета—древних памятников у с. Замараево под руководством К. В. Сальникова. В Молотовском университете обрабатывается материал раскопок палеолитической стоянки им. Талицкого, произведённых в 1946 году Уральским Четвертичным отрядом Академии Наук СССР под руководством О. Н. Бадера. В Молотове кабинет археологии должен современем превратиться в университетский археологический музей.

Оба кабинета должны явиться научными, методическими центрами и играть руководящую роль в дальнейшем археологическом изучении Урала. Для этого помимо своей непосредственной научной работы они должны осуществлять связь с научными организациями центров, координируя исследования на Урале в общем плане. Одновременно кабинеты должны наладить тесную связь с работниками на местах—сотрудниками уральских музеев и краеведами, в необходимых случаях направляя их работу.

Один из главных шансов на успех в работе обоих кабинетов—участие в ней студенческой молодёжи, нашей будущей смены, формирующейся в аудиториях, экспедициях и лабораториях университетов.

О. Н. Бадер.

СВЕРДЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ

Один из старейших и крупных на Урале, Свердловский музей располагает богатым и многочисленным собранием археологических предметов. Их сборы начались ещё в 70-80-х годах прошлого столетия, но, к сожалению, основная масса коллекций не сопровождается никакой научной документацией. Обычно известен лишь пункт находки, и то крайне приблизительно, например: стоянки Исетского озера, Карасье озеро, Шарташские каменные палатки и т. п. Между тем, по берегам этих озёр имеется несколько стоянок и часто разновременных. Требуется долгая и кропотливая работа по разборке археологических собраний музея. При этом большую помощь окажет архивный фонд В. Я. Толмачева, хранящийся в Свердловском областном государственном архиве. Он содержит массу сведений об археологических памятниках Урала и о коллекциях Свердловского музея, которые В. Я. Толмачев в свое время тщательно разобрал и пронумеровал. Но никакой полевой документации (если она и была) не сохранилось, и установить стратиграфические и другие условия находок нельзя.

Основная масса коллекций музея (70-80%) происходит с памятников так называемой шигирской культуры. Сюда относятся: известные ценнейшие изделия из кости, дерева и камня с Шигирского торфяника эпохи энеолита и бронзы, а также каменные орудия и керамика с многочисленных стоянок по берегам озёр в окрестности Свердловска. Эпоха бронзы кроме того представлена небольшой коллекцией из Турбинского могильника, предметами из андроновских погребений и селищ лесостепной полосы Зауралья и знаменитым Верхне-Кизилским кладом бронзовых орудий и украшений.

К скифосарматскому времени относятся интересные коллекции из курганов в районе села Катайского на реке Исети, поступившие из частной коллекции катаяского археолога-краеведа Первушина. Ананьино-пьяноборская эпоха отражена собранием бус, ножей и наконечников стрел из раскопок Новокрещенных на Гляденовском костыще, кладом с горы Азов из окрестности Свердловска и большим числом наконечников, копий и блях и т. п.

Поздние эпохи отражены сосудами из Бродовского могильника Кунгурского района, бронзовыми украшениями Аниковского могильника и городищ Верхней Камы, а также предметами вооружения и конского снаряжения из поздне-кочевнических курганов под Челябинском. Полная характеристика архео-

логических собраний заняла бы слишком много времени. Но и из сказанного видно, что коллекции музея отражают памятники различных эпох и не только Свердловской области. Археологические исследования, широко проводившиеся местными археологами (О. Е. Клер, Фадеев, В. Я. Толмачёв, Н. А. Рыжников и др.) в дооктябрьский период, в советское время переходят в руки главным образом москвичей—Д. Н. Эдинга и П. А. Дмитриева. В небольших масштабах археологические работы велись и местными исследователями—А. А. Берс и Н. Н. Бортвиным. Свердловский музей принимал в них слабое участие, а так как материалы из раскопок и Д. Н. Эдинга (на Горбуновском торфянике) и П. А. Дмитриева (стоянка „Калмацкий Брод“ и на Исетском озере) поступили в Исторический музей в Москве, собрания Свердловского музея за последние 30 лет пополнялись главным образом за счёт случайных поступлений.

С 1947 года музей начинает обширные и плановые работы по изучению археологических памятников области. В этом году по поручению музея К. В. Сальниковым будут исследованы памятники эпохи бронзы в Покровском районе, а Е. М. Берс проведёт обследование шигирских памятников в районе Свердловска.

К. В. Сальников.

МОЛОТОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ

Археологические коллекции в Молотовском Краеведческом музее собираются почти со дня его основания (90-е годы прошлого столетия). Как известно „музей обязан своим возникновением исключительно частной инициативе пермской интеллигенции и . . . создан . . . любовью, трудами и заботами сравнительно небольшой группы интеллигентных лиц“ (Кратк. летопись Пермского Н.-Промышленного Музея, Пермь, 1916 год) при непосредственном содействии и участии Уральского Общества Любителей Естествознания и Пермской Учёной Архивной Комиссии.

Судя по отчётам музея за первые годы его существования, можно сделать вывод, что археологические коллекции, почти полностью, вещь за вещь, пожертвованы любителями-археологами: Ф. А. Теплоуховым, М. Н. Заликмановым, Н. Н. Новокрещенных, С. А. Бассовым, В. П. Кожевниковым, М. Д. Белоусовым и др. Определены эти коллекции и описаны были в своё время Ф. А. Теплоуховым и А. А. Слицыным.

После Октябрьской революции раздел археологии пополнился богатейшей коллекцией, собранной главным образом двумя поколениями Теплоуховых. Археологическая коллекция Теплоуховых, описанная А. А. Слицыным и многими работами Ф. А. Теплоухова, создана исключительно из случайных находок, подъёмного материала, что очень сильно снижает её значение (то же самое относится и к коллекциям, собранным музеем). Следовательно, построение экспозиции музея усложнено тем, что в музее нет памятников, представленных целостным комплексом материальной культуры.

В предисловии к атласу рисунков „Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых“ А. А. Спицын пишет: „ . . . систематизация коллекции Теплоуховых . . . сделана в значительной мере возможно . . . благодаря прекрасному дневнику, составляющему её неотъемлемую принадлежность“. И, далее, А. А. Спицын делает вывод: „Без дневника коллекция не имела бы и трети своего значения . . . Потеря его была бы невознаграждима“. Музей же, получив коллекцию, не получил этого замечательного дневника, дающего сведения о памятниках, записи о поступлении находок с датами и указаниями лиц, сделавших находки, и т. д. Все попытки найти следы этого дневника, сделанные советскими археологами М. В. Талицким и Н. А. Прокошевым, не увенчались успехом. Дневник найти не удалось. Музей, имея коллекцию Теплоуховых, не имеет к ней ключа. Таким образом, работа над коллекцией весьма затруднительна, т. к. у многих предметов нет этикеток или имеются этикетки со ссылкой на № записи в дневнике. Нужна серьезная помощь специалистов—археологов для приведения коллекции в полный порядок и составления её научного описания. В это дело включился университет; над коллекцией начала работать группа студентов под руководством О. Н. Бадера.

Кроме коллекции Теплоуховых музей имеет материалы, поступившие уже в Советское время, доставленные советскими археологами А. В. Шмидтом, Н. А. Прокошевым, М. В. Талицким.

Всё же в экспозиции музея имеются многие белые пятна— в музее совсем нет материалов по неолиту, есть только энеолит (Лёвшинская стоянка), нет бронзы—вещи с Турбинского могильника находятся в Свердловском музее. Нет комплексов с памятников ананьинского и родановского времени. В основном экспозиция Молотовского музея построена на материалах Теплоуховской коллекции.

Перед Молотовским музеем в области археологической работы стоит задача восполнить белые пятна в своих собраниях путем исследования памятников неолита, бронзы и позднейшего времени, постепенно вытесняя из экспозиции случайные материалы, а также провести большую, кропотливую работу по приведению в порядок коллекции Теплоуховых.

В 1946 году музей был участником раскопок палеолитической стоянки им. Талицкого. В 1947 году намечено участие в изучении памятников X-XV веков в Чердынском районе.

А. Г. Милицина.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ

В области археологических исследований Урала Челябинский музей за время существования сделал больше, чем какой либо другой уральский музей за тот же период. В этом боль-

шая заслуга его директора И. Г. Горохова, который является основателем музея в 1918 году и его бессменным руководителем до настоящего времени и который уделяет много внимания всестороннему изучению края.

В основу археологических коллекций музея были положены материалы из раскопок Н. К. Минко, который вёл обширные исследования курганов в окрестностях Челябинска в 1906—1911 годах, раскопав свыше 100 погребений. Часть коллекций из этих раскопок в свое время поступила в Свердловский музей, но основная масса, главным образом керамика оставалась у Н. К. Минко на дому и была передана его вдовой М. А. Минко вновь организованному в 1918 году Челябинскому музею. В состав этой коллекции входили также шигирская керамика и каменные орудия и отщепы из сборов на Исетском, Айтском и др. озёрах близ Свердловска.

Археологические исследования возле Челябинска были возобновлены музеем в 1924 году под руководством научного сотрудника музея С. Н. Дурылина, который силами археологической секции краеведческого общества исследовал до 20 курганов в течение 2-х лет в тех же могильниках, где велись раскопки Н. К. Минко.

После нового десятилетнего перерыва археологические раскопки Челябинского музея опять возобновились в 1936 году под руководством К. В. Сальникова и С. Н. Бибикова. Первый в течение 1935-1940 годов вёл ежегодно крупные раскопки памятников различных эпох: энеолитической стоянки на озере Кысы-Куль близ города Миаса (1937 год), андроновских курганов у села Фёдоровки близ Челябинска (1936 год) и на озере Алакуль в Шучанском районе Курганской области (1938 год), андроновского селища у села Кипель Юргамышского района (1937-1939 г. г.) и произвёл обследование памятников по среднему течению реки Исети от г. Шадринска до г. Каменска-Уральского (1940 год). С. Н. Бибиков (Академия Наук СССР) был приглашен Челябинским музеем для обследования в 1937 году пещеры на реке Юрюзани близ г. Усть-Катава, где были открыты мощные скопления костей древне-четвертичной фауны, и затем в 1938-1939 г. г. провёл широкие обследования пещер в том же районе, которые привели к открытию ряда палеолитических пещерных стоянок—первых на Южном Урале. Благодаря всем этим работам Челябинский музей располагает солидным, хорошо документированным собранием археологических материалов, которые позволяют экспонировать древнейшую историю местного края начиная с эпохи палеолита и кончая кочевниками конца I-го тысячелетия н. э.

С 1947 года музей возобновляет прерванные войной археологические исследования. По его поручению нами в этом году будут изучены селища и курганы бронзовой эпохи у села Мало-Кызылово Бурянского района и обследовано место находки известного клада литых бронзовых фигурок у д. Сапоговой.

К. В. Сальников.

ЧКАЛОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ

Начало Чкаловскому музею было положено еще в 30-х годах прошлого столетия при активном участии жившего тогда в Оренбурге В. И. Даля. Археологическими коллекциями он стал пополняться лишь с 90-х годов, после организации Оренбургской Учёной Архивной Комиссии и перехода музея в её ведение. Члены комиссии А. Попов, И. Кастанье и др. энергично собирали предметы древности и вели раскопки курганов. Велись исследования и приезжими работниками—Ф. Д. Нефедовым в районе г.г. Бузулука и Сольилецка (1887-1888 г.г.), В. Я. Толмачевым у г. Бугуруслана (1910 г.) В пооктябрьский период археологические исследования музея осуществлялись И. И. Зарецким и К. В. Сальниковым. Кроме того, на территории области проведены крупные обследования и раскопки работниками московских и ленинградских научных учреждений: Б. Н. Граковым близ города Чкалова (1927-1929 г.г.), в Домбаровском районе (1930), по верхнему течению р. Урала в районе г. Орска (1933 г.), М. П. Грязновым по левым притокам Урала близ Орска (1926 г.), Г. В. Подгаецким в Орском районе (1936).

В Чкаловский музей поступили коллекции лишь из раскопок Г. В. Подгаецкого. В основном же собрания музея составились из сборов и раскопок местных исследователей, а также из предметов хищнических раскопок.

Каменный век в коллекциях музея совсем не представлен. Эпоха бронзы отражена материалами Ново-Аккерманского андроновского могильника близ Орска (раскопки Г. В. Подгаецкого), Погроменских курганов близ города Бузулука (раскопки К. В. Сальникова) и случайными находками бронзовых и каменных орудий. Большинство коллекций относится к скифо-сарматской эпохе. Оренбургские степи славятся богатыми курганами этого периода. Отсюда нередки хищнические раскопки. Таково происхождение вещей из Покровских и Прохоровских курганов, раскопанных местным населением в 1911 г. В них было найдено много предметов из золота, опубликованных М. И. Ростовцевым и хранящихся в Чкаловском музее. Интересный скифский курган раскопан научным сотрудником музея Захаровым у с. Сары Ново-Покровского района. И. А. Зарецким исследованы сарматские погребения у п. Ак-Булак и у п. Красногорского, К. В. Сальниковым у аула Джанатан Орского района. Немало в музее предметов из поздних преимущественно половецких погребений: вооружение, конское снаряжение, кольчуги, женские украшения. Они поступили из раскопок И. А. Зарецкого у хутора Белошачного и из случайных находок. К этому же времени относится несколько каменных баб. Развернув в текущем году, после многолетнего перерыва в работе, экспозицию, Чкаловский музей предполагает снова приступить к археологическому изучению области.

К. В. Сальников.

НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКИЙ МУЗЕЙ

Нижне-Тагильский музей—старейший музей на Урале—до последних лет систематически не занимался археологическим изучением своего района. Работы некоторых местных археологов, произведённые в давние годы, и сборы археологического материала делались без достаточной документации и составили в музее только несколько мелких беспаспортных коллекций.

В 1927-39 г.г. музей принял участие в работе Д. Н. Эдингга по раскопкам стоянки и жертвенного места на Горбуновском торфянике. В музейной экспозиции имеется прекрасная коллекция из этих раскопок.

С 1944 года музей впервые начал самостоятельное систематическое изучение археологии края по инициативе и под руководством бывшего тогда заведующим историческим отделом музея О. Н. Бадера. Собраны все сообщения об археологических находках в районе, обследованы места старых раскопок, на берегу Горбуновского торфяника открыта вторая стоянка; на речке Полудёнке, на месте раскопок „Чудских бугров“, установлено наличие неолитической стоянки. В 1945 году музей принял участие в работах четвертичного отряда Академии Наук СССР по раскопкам палеолитической стоянки им. Талицкого на р. Чусовой и получил в экспозицию коллекцию с этой стоянки. В 1944-46 гг. проведены раскопки Полудёнкой стоянки, вещи выставлены в экспозиции, открыта и обследована вторая стоянка—Полудёнка II. Проведены раскопки древнего жертвенного места на Голом Камне. Установлено и обследовано место расположения Ермакова городища на р. Тагил. Произведены раскопки пещеры с палеонтологическими остатками на горе Медведь—Камне и обследовано палеолитическое местонахождение на р. Туре. Составлена археологическая карта края.

В результате перечисленных работ археологические собрания музея увеличились в несколько раз. В настоящее время обрабатываются материалы раскопок 1944-46 г. и изучаются старые коллекции.

В плане работ музея на пятилетку первой задачей ставится научная обработка археологических фондов, а также окончание начатых в 1944-46 г. раскопок на Полудёнке, на Полудёнке II, Голом Камне, Ермаковом городище и дальнейшее изучение района.

Н. П. Кипарисова.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПАМЯТНИКИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ОКРУГЕ

Археологические исследования и сборы в Коми-Пермском округе впервые начал производить в 40-х годах прошлого столетия В. А. Волегов. Он в течение 16 лет, с 1848 года был главным управляющим Пермского имения гр. Строгановых и

с. Ильинском. Наиболее ценные вещи Волегов отправлял в Петербург Строганову.

В 60-х годах коллекция Волегова перешла к главному лесничему Пермского имения Строгановых Александру Ефимовичу Теплоухову, который продолжал работу, начатую Волеговым. От него остался „археологический дневник“ — ценный документ, где записаны сведения об условиях нахождения собранных древностей.

После смерти А. Е. Теплоухова работу по собиранию археологических материалов продолжал его сын Фёдор Александрович Теплоухов, занявший и должность отца в имении Строгановых в 80-90-х годах прошлого столетия. Так создавалась знаменитая Теплоуховская коллекция древностей „камской чуди“, обработанная А. А. Спицыным в 1902 году, а в 1919 году переданная для хранения Пермскому музею. Большая часть сборов Теплоуховых из Коми-Пермяцкого округа, очевидно, относится к ломоватовскому и родановскому времени, но есть и каменные орудия, собранные Теплоуховым около дер. Петуховой и Новосёловой в Ошибской волости по р. Велве.

Одновременно с Теплоуховыми на территории современного Коми-Пермяцкого округа производили исследования и сборы и другие археологи.

В 70-80-х годах М. В. Малахов нашёл несколько каменных орудий около Кудымкара (близ деревни Шадринной в 4-х километрах от города), около дер. Мечкора он нашёл кремневый наконечник копья. Он же находил каменные орудия между деревнями Старой и Новой Шляпиной по р. Велве (кремневые ножи, наконечники стрел и небольшие скребки с обломками их).

В 1879-80г. А. Иванов обследовал многие чудские городища как в северной, так и в южной частях округа и дитировал их X-XIII веками.

В 1899-1900 годах В. Л. Борисов производил раскопки могильников у деревень Хариной, Бурдуковой и др. в современном Гаинском районе. А. В. Шмидт считает, что по наиболее богатому из этих могильников, Харинскому (IV-V в. в.) всю культуру можно назвать Харинской.

После революции археологией Прикамья занимался А. В. Шмидт.

Только в 1938 году М. В. Талицкий посетил Коми-Пермяцкий Краеведческий музей, просмотрел его коллекции и вместе с одним из сотрудников музея обследовал археологические памятники бассейна р. Иньвы. Краткий отчёт об этой поездке и сборы Талицкого хранятся в Кудымкарском музее.

Помимо специалистов археологов по собиранию подъёмного материала и учёту памятников работали и не специалисты, краеведы, например И. Я. Кривощёков.

Много лет работал над вопросами исторического прошлого округа краевед учитель из Кочевского района, ныне умерший К. М. Мошегов.

В результате всей этой работы собран значительный мате-

риал. Только из б. Соликамского уезда в разных музеях и собраниях к 1926 году было свыше 10000 предметов (А. В. Шмидт, Журнал „Экономика“, 1926 г., № 5).

Сейчас археологические памятники Коми-Пермяцкого округа представляются нам в следующем виде:

1. Остатков плеолита пока не обнаружено.
2. Новосёловская стоянка и другие находки каменных орудий, очевидно, датируются концом неолита или началом бронзы. Такие находки каменных орудий нам известны в настоящее время из 10 пунктов.

3. Среди коллекций музея имеется один медный кельт. Местонахождение неизвестно, но, очевидно, из пределов округа.

4. Остатки Харинской культуры найдены на берегу р. Камы в Гаинском районе.

5. Памятники Ломоватовского времени учтены М. В. Талицким по р. Иньве и ее притокам: 10 городищ, 5 селищ и 1 могильник. К этой группе памятников, может быть, относятся немногие городища северных районов округа (4-5) по датировке А. А. Спицына.

6. Наиболее многочисленная группа памятников относится к родановскому времени. М. В. Талицкий указывает в бассейне Иньвы 6 городищ, 5 селищ и 9 могильников этого времени. И. Я. Кривощёков для б. Чердынского уезда, где Талицкий не был, перечисляет 15 городищ, из них большинство родановские, а К. М. Мошегов для территории округа указывает 129 „чудских мест“.

7. Особую группу памятников представляют клады восточного, преимущественно сасанидского серебра. Нам известно 8 пунктов на территории, которую сейчас занимает Коми-Пермяцкий округ, где были найдены такие клады.

Огромное большинство археологических памятников Коми-Пермяцкого округа совершенно не изучено, между тем правильные, настоящие раскопки могут дать много для изучения прошлого Прикамья и, в частности, для изучения прошлого коми-пермяцкого народа, который раньше был лишён права иметь свою историю. Сейчас коми-пермяцкий народ проявляет большой интерес к своему прошлому, и этот законный интерес должен быть удовлетворён. Необходимо включить в пятилетний план археологических исследований Урала и Коми-Пермяцкий округ. В этой работе могут оказать помощь специалистам местный музей и краеведы, но для этого им нужна консультация специалистов. Нужны посещения местных музеев археологами-специалистами, которые помогли бы осмыслить и правильно повянуть собранный материал, наладить дальнейшую работу в этом направлении.

Наконец, местные краеведы-археологи не имеют возможности следить за литературой, и следовало бы наладить при археологическом кабинете Молотовского университета библиографическую работу, чтобы местные музеи и краеведы

могли получать здесь необходимые библиографические справки.

Очень желательно издание популярного руководства по археологии применительно к условиям нашей области. Мы твердо убеждены, что хорошее руководство рождает кадры исследователей.

А. Н. Анисимов.

КУНГУРСКИЙ МУЗЕЙ

Остатки древних культур известны нам по раскопкам и находкам, произведённым в ближайших окрестностях города Кунгура. Каменные предметы в нашем крае не были найдены. Нет никаких сведений о находках и предметов бронзового века.

Древнейшим известным поселением человека в Сылвенском крае является городище Лобач или Елбач возле деревни Пеньки на реке Сылве, недалеко от станции Кишертъ. Довольно много черепков и посуды с этого городища ранее было в Кунгурском музее. Это городище относится к последним векам до нашей эры. Городище, обнесённое с трех сторон насыпным земляным валом, помещается на высокой каменной гряде, господствующей над долиной р. Сылвы.

Особенно многочисленны в нашем крае находки, относящиеся к ломоватовской эпохе. Ломоватовская эпоха относится к шестому—седьмому веку нашей эры, эта датировка установлена, главным образом, благодаря многочисленным находкам монет в могиле недалеко от д. Броды, в пяти км к северу от Кунгура. Погребение не имело насыпей или других внешних признаков. Покойник хоронился на деревянной подстилке в яме глубиной не свыше 70 см.

В Бродовском могильнике из железа сделаны топоры, наконечники копий и стрел, ножи, редко встречающиеся мечи, стрелы, впервые в эту эпоху появившиеся на востоке России. В Неволине, к югу от Кунгура, найдены медные слитки и оловянные или свинцовые пластины, представляющие остатки литейной мастерской.

В Бродах и Неволине встречаются в небольшом количестве медные трубки в виде фантастической птицы с головой какого-то ушастого зверя или орла, терзающего добычу. В районе найдено большое количество ажурных блях, изображающих баснословных животных: они имеют вид орлов, филинов с человеческим лицом на груди, а чаще фантастических человекоподобных фигур. Такие фигуры стоят по одному, по три и даже в большем количестве на спине странного коротконового зверя с огромной мордой. Выполнены они в особом стиле.

Большой клад подобных предметов был найден и возле деревни Кишертъ; сейчас он хранится в Ленинграде, в

Эрмитаже. Состоял он из тридцати ажурных пластин и фигур.

Много найдено и монет, большей частью иранских V—VI веков нашей эры. Встречаются медные и серебряные монеты V—VIII веков из Хорезма и Бухары. Известна монета арабская, попадает медь чеканки византийских императоров начиная с Юстиниана Великого (от середины V века и до начала VIII века). Большинство монет просверлено и употреблялось местным населением в качестве подвесок.

Необходимо отметить, что в различных местах Кунгурского края найдена в земле серебряная посуда с интересными рельефными изображениями конной охоты персидского царя или торжественного заседания царского совета (такое блюдо в Кунгурском музее). Найдены ковши с изображением фантастических животных (Суксун), сосуды с узким длинным горлышком (с. Кинделино). Известны чаши, серебряные ковши (д. Шестаково), подносы (Усть-Кишерт), серебряные блюда (д. Кокчики) и др.

Кроме того, имеются городища у д. Спасобардинского, Усть-Мечки, Иваново, Сажино, Зернина, Демидят, Занной и др. Из позднейших времён был найден могильник в дер. Селяниной около Кунгура; здесь найдена пара серебряных сосудов XII—XIII века с стилизованной арабской надписью.

Наконец, позднейшим археологическим памятником Кунгурского края является, вероятно, так называемые Ермаковы городища близ Кунгура.

Археологическое изучение Кунгурского края приобретает особую актуальность в связи со строительством КамГЭС и ИреньГЭС, благодаря которым некоторые памятники должны быть затоплены.

А. К. Ворожухин.

К ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КУНГУРСКО-СЫЛВЕНСКОГО КРАЯ

Северо-западный склон Предуралья, составляющий территорию Кунгурско-Сылвенского края, имеет изрядное количество памятников прошлого, которым народное предание присвоило название мест „чуди“, „чудаков“. Их изучение производилось неоднократно. И. С. Поляков в 1871 г. искал остатки первобытного человека в ледяной пещере, Н. Н. Новокрещенных в 1898 г. провёл раскопки у деревни Плеханово, в 1899 г. проф. А. А. Спицын раскапывал могильник у дер. Брод. В 1923—1924 г.г. проф. А. В. Шмидт и Н. И. Долинина исследовали Неволинский могильник и городище Елпач.

Среди памятников древности, как городища, могильники и проч., имеются другого вида памятники, как в 6—7 км от города у р. Бабки (приток Сылвы)—камень, носящий название „Молебный“. По преданию, „чудь“ на нём совершала свои

жертвоприношения, а вблизи д. Керы в 12-14 км от Кунгура находится в поле уже обветрившийся известковый камень-изваяние, носящее название „бабы“; как можно полагать, таковое было идолом и обоготворялось племенами, которые когда-то обитали в этом крае.

Л. Н. Лелюхов.

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК, ПРОИЗВЕДЁННЫХ В РАЗНЫХ МЕСТАХ УРАЛА И ПРИУРАЛЬЯ С 1910 ПО 1930 Г.

Увлечение сбором краеведческих коллекций у нас началось с детства, примерно, с 1895 г., а с 1910 г. мы перешли на систематический сбор археологических материалов, как подъёмных, так и из раскопок. Всё это поступало в созданный нами краеведческий музей, существующий теперь в г. Шадринске, Курганской области.

Западный склон Урала.

Весной 1913 г.¹ мы посетили гляденовское костыще, спустились от него к Н. Муллам и тут, и там собрали кости животных, а также предметы, сделанные рукой человека: черепки, металлическое зеркальце из серого, очень хрупкого материала и т. д.

Вскоре после того мы попали в В. Чусовские Городки, где на высоком месте, около монастыря, нашли несколько серых кремней со следами обработки.

В июне 1920 г., работая на педагогических курсах, почти всё свободное время мы уделили посещению берегов р. Уфы, где в небольших пещерках встретили много костей рыб и грызунов, а также некоторые поделки из костей и другие предметы,— всё это на месте современного ж.-д. посёлка возле ст. Красноуфимск. А на том месте, где теперь стоит элеватор, мы засняли на план правильный ряд ям, по преданию — бывший лагерь пугачёвцев.

Самым южным пунктом на западном Урале, который был посещён нами, явилась Усть-Катавская пещера на берегу р. Юрюзани. Собранный здесь нами в 1937 г. коллекция костей четвертичных животных в основном передана в Челябинский краеведческий музей, а часть и теперь хранится у нас.

¹ Тогда мы, как ветеринарный врач, заведывали одной из партий по обследованию скотоводства, организованной губернским земством в Пермской губернии.

Восточный склон Урала.

Самой северной точкой наших археологических разведок является городище на остальце (в виде острова) среди Ирбит-Ницинской поймы возла г. Ирбита. Здесь в 1920 г. мы собрали в качестве подъёмного материала много каменных поделок, черепков, кое-какие предметы из бронзы, в том числе фигурку лося, что воспроизведена Д. Н. Эдинггом в его книге „Резная скульптура Урала“. Собранную здесь раньше коллекцию предметов, в т. ч. каменную тарелочку, мы встретили в центральной городской библиотеке в Ирбите.

Южнее Ирбита, на левом берегу одноимённой реки, вблизи с. Писанского, мы посетили камень Писаный, на верху которого между прочим обнаружили черепки и некоторый другой материал, чему потом несколько удивился В. Я. Толмачёв. Это было в 1913 г.

В том же году между Сухим Логом и Камышловом; в частности у дер. Порошиной и в с. Калиновском, на реке Пышме мы обнаружили большой археологический инвентарь.

Основная масса наших разведок всё же касается р. Исети и её притоков—Синяры с Багаряком, Течи и Миасса, а также берегов озёр, лежащих на водоразделах этих рек.

Нам вспоминается небольшое городище на правом берегу р. Багаряка против с. Зотинского, где в осыпях берега мы встретили несколько десятков черепков. А в каком-либо километре на запад от этого места на берегу оз. Огневского мы нашли большое количество черепков и особенно много кремневых поделок, порой изящно сделанных.

Черепки, кремни и что-то из медных поделок мы встретили западнее г. Каменска, у с. Шербаковского, на берегу Исети. Этого же рода предметы встречены нами в осыпи первого берега исетской поймы западнее с. Никитинского, где, по преданию, в XVII веке стоял монастырь.

В низовьях р. Течи нами встречены такие находки: много мелких черепков у старого кладбища в с. Першинском у дер. Чигиневой, а в обрыве берега реки жители обнаружили в 1913 (?) г. погребение скифосарматского типа: короткий железный меч, костяные наконечники стрел и круглодонный сосуд при человеческом костяке. Вещи были переданы тогда нам.

В этом же году юго-западнее г. Каменска на берегу оз. Шаблиш нами собрана большая коллекция черепков и каменных предметов, в том числе несколько тёрочных камней.

Этого же рода материалов много, в том числе черепков, орнаментированных похоже на „китайскую свастику“ (определение В. А. Городцова), мы встретили на дюнах между Далматовым и с. Затечей. А к западу от стен Далматовского монастыря, в довершение к подобному же материалу, мы обнаружили лобную часть черепа северного оленя.

Много подъёмного материала собрано нами с почти смытого городища у с. Верхне-Полевского (против г. Шадринска), на

дюнах ниже города: у дер. Малой Погорелки, Боровой, Квашниной, с. Кокоринского, д. д. Ильтяковой и Могилевой (три последних—Мехонского р-на).

Идя от устья Миасса вверх, вспоминаем многочисленные находки на берегу припойменного оз. Караульного у с. Усть-Миасского, где до и после нас разными лицами было найдено огромное количество черепков и др. предметов, в том числе серебряный сосуд скифо-сарматского типа. Несомненно, тут имеются остатки различных культур, подобно таким же разнокультурным остаткам на дюнах у д. Вяткиной и особенно у д. Барсуковой—на дюнах, известных под названием „Татарский бор“. Здесь, между прочим встречены круглое и плоское днища горшков, сплошь украшенных ямочным орнаментом. И всё это при обилии оббитых и шлифованных к аменным предметов вместе с массой медного шлака, соплами, медными наконечниками стрел, зеркалами, серпом. И тут же—татарские монеты XIV—XV века, двурогая русская железная вилка XVII в. (определение В. А. Городцова).

Чуть выше (по реке) дюн, среди поймы, на незаливаемом „Острове“, нами раскопаны курганы скифо-сарматского времени, а на противоположном, левом берегу Миасса, между сс. Баклановским и Долговским, был обнаружен детский могильник андроновского времени. Могильники были обложены деревом и с деревянным обложением сверху. Инвентарь: плоскодонные сосуды, медные запястья и бусы, бусинки из белой массы, кости домашних животных (корова, овца, свинья).

Самое село Долговское расположено на месте курганного могильника; и много курганов, широких, но лепешкообразных, низеньких, с густо покрывающей верх обожжённой глиной, встречено за селом, против церкви. В этом селе мы получили в подарок медные: топор с вислым обухом (описан Н. Н. Бортвиным) и небольшой, изящный кельт, напоминающий сибирские „усатые“.

Вообще, долина реки Миасса является насыщенной археологическими памятниками, которые нами встречены повсюду, и около них подобрано много разнообразных предметов¹.

Вл. Бирюков.

¹ На водоразделе между р. р. Миассом и Барневым много озёр. На берегу оз. Кабанского подобрано много черепков, кремней и маленький шлифованный топорик, а вблизи оз. Песчано-Товолжанского—два жертвенных камня: один с головой барана, а другой—с легким коническим выступом. Жители говорят, что был еще 3-й камень—якобы с головкой утки (??).

Список археологических памятников, рекомендованных для первоочередных исследований на Урале в 1947—1950 г.г.

Археологическое совещание, заслушав и обсудив сводные доклады, подытоживающие археологические исследования по различным разделам древнейшей истории Урала, а также доклады о новейших неопубликованных исследованиях и работах, ведущихся на местах, пришло к заключению о необходимости рекомендовать всем организациям, занимающимся изучением археологии Урала, исходить в 1947—1950 гг. при планировании и организации своих работ из нижеизложенного плана первоочередных исследований, обеспечивающих как сохранение для науки памятников в зонах крупных новостроек текущей пятилетки, так и изучение наиболее актуальных проблем древнейшей истории Среднего и Южного Урала.

I. Организация и проведение археологических исследований на новостройках Урала.

В первую очередь на крупнейших из них, как КамГЭС, ИреньГЭС, Чусовские электростанции и др., а также принятие мер к выявлению и сохранению археологических находок, делаемых на торфоразработках, через посредство областных организаций, ведающих торфоразработками.

II. В области изучения палеолита.

1. Окончание раскопок стоянки им. Талицкого.
2. Рекогносцировочные раскопки местонахождения „Пещерный Лог“.
3. Обследование местонахождений с четвертичной фауной, в первую очередь заявленных на совещании (напр., в Очёрском р-не, близ Красноуфимска и пр.).
4. Продолжение систематических поисков палеолита в пещерах, предпочтительно на Южном Урале.

III. В области изучения неолита и энеолита.

1. Продолжение раскопок стоянок в районе Чусовского устья (стоянки на оз. Грязном, у Гремячего ручья и др.).
2. Постановка разведок на неолит по течению Камы между г. Молотовым и устьем р. Белой.
3. Обследование местонахождений каменных орудий в Верхнем Прикамье в районе р. Вельвы.
4. Продолжение раскопок стоянки на р. Полудёнке, а также второй, левобережной стоянки там-же.
5. Изучение неолитических памятников в лесостепном Зауралье: Воробьевской стоянки и стоянок в районе Далматова на р. Исети.

IV. В области изучения шигирской культуры.

Параллельно с изучением материалов по шигирской культуре, накопленных в Свердловском музее, —

1. Рекогносцировочные раскопки на некоторых стоянках района Свердловска (напр., на Еловом мысу Исетского озера, на Листвяном мысу и на первом Карасьем озере).
2. Продолжение раскопок на Горбуновском торфянике.

V. В области изучения памятников Южно-уральской бронзы.

1. Продолжение исследования памятников андроновской культуры; в первую очередь курганов и селища у с. Мало-Кызылова Буринского района Челябинской обл., андроновских памятников на озёрах Сосновом и Берёзовском Свердловской области и селищ Замараевского и Барминского на р. Исети.
2. Продолжение раскопок селища Баланбаш.
3. Рекогносцировочные раскопки курганов в Кунгурском районе.
4. Обследование одного из левых притоков р. Белой в сторону Башкирии с рекогносцировочными раскопками памятников эпохи бронзы.

VI. В области изучения ананьинской культуры.

1. Продолжение раскопок до-ананьинских и ананьинских памятников в Прикамье: Луговского селища, Луговского могильника и могильника у д. Скородум на р. Гаревой.
2. Систематическое выявление и обследование памятников ананьинского времени на отрезке Камы между Ананьиным и Молотовым.

VII. В области изучения пьяноборско—гляденовской культуры.

1. Раскопки памятников пьяноборско—гляденовского времени на Верхней и Средней Каме (напр., Усть-Сылвенского городища и костища у д. Пьянково Очёрского района).
2. Раскопки жертвенных мест на восточных склонах Урала (напр., Голого Камня близ Тагила, близ Свердловска, Полевского и Северского заводов).

VIII. В области изучения памятников скифо-сарматской эпохи на Южном Урале.

1. Раскопки городища „Чудаки“ и одного из городищ на среднем течении р. Исети.
2. Раскопки скифо-сарматских курганов в северо-восточной части Челябинской области.
3. Обследование местонахождения бронзовых фигурок близ Сапогова.

IX. В области изучения ломоватовской культуры.

Обследование памятников ломоватовской культуры в районе Чердыни и Иреньстроя с рекогносцировочными раскопками.

Х. В области изучения родановской культуры.

Раскопки одного из памятников родановской культуры в районе Верхней Камы.

XI. Проведение сплошных маршрутных обследований, —

1. Течения реки Пышмы.
2. Реки Миасса в его челябинском течении.
3. В Чердынском районе.
4. Бассейна р. Яйвы.
2. Течения Камы вниз от г. Молотова до устья Белой.

Общие постановления Первого Уральского Археологического Совещания

1. Совещание считает необходимым отметить плодотворность проделанной им за 6 дней работы, приобретающей значение отправного и направляющего фактора для археологических исследований уральских организаций в первые годы послевоенного периода.

2. Популяризировать работу Совещания и его итоги в уральских газетах и в центральных периодических историко-археологических изданиях.

3. Считать крайне желательным издание материалов Совещания в виде отдельного сборника.

4. В целях дальнейшей координации научных усилий и укрепления коллектива уральских археологов считать необходимым уральские археологические совещания созывать периодически, по возможности ежегодно, притом в различных центрах Урала. Созыв следующего совещания наметить в Свердловске при Уральском университете в 1948 году.

5. Отметить ненормальное положение с опубликованием результатов археологических исследований на Урале в печати, резко усугубляющееся длительной консервацией уральского археологического сборника, подготовленного перед войной институтом истории материальной культуры Академии наук. Считать необходимым принять все возможные меры к изданию исследований по археологии Урала местными, уральскими организациями.

6. В виду огромного значения работ по составлению археологических карт—как для подведения общих итогов изучения территории, так и для будирования работы на местах,—считать крайне желательным форсировать работы по составлению археологических карт отдельных районов и Урала в целом, а, вместе с тем, скорейшее издание их для общего пользования; в первую очередь—готового к печати „Справочника об археологических памятниках бассейна р. Камы“ И. А. Талицкой, могущего, к тому-же, послужить методическим образцом для последующих работ этого рода.

7. Совещание считает, что организованные при Уральском и Молотовском университетах Кабинеты археологии, помимо проводимой ими учебной и исследовательской работы, должны возглавить всю археологическую работу уральских учреждений.

Для этого им необходимо:

а) Организовать при кабинетах на средства, отпускаемые университетами, музеи учебно-методического и научного типа, отражающие вопросы археологии не только Урала, но и других территорий.

б) Организовать и использовать при кабинетах, а затем при музеях обменный фонд за счёт дублетного материала.

в) Провести выезды в музеи Урала для просмотра имеющихся там археологических коллекций и для указаний об их хранении, обработке и экспозиции. Работу эту провести при помощи областных отделов по делам культпросветучреждений.

г) Обеспечить постоянную возможность научных консультаций для учреждений и лиц, занимающихся археологией на Урале.

д) Провести в Уральском и Молотовском университетах теоретические занятия по вопросам археологии Урала для работников уральских музеев и краеведов.

е) Создать при кабинетах библиографические справочники по археологии.

ж) Учесть все архивные фонды по археологии Урала, хранящиеся в уральских архивах, музеях, в различных центральных организациях и у частных лиц, для осуществления чего просить руководство университетов увеличить штат каждого кабинета специальной единицей.

з) В 1947 г. подготовить и в кратчайший срок выпустить иллюстрированное краткое методическое руководство по археологии Урала, построив его так, чтобы оно могло служить также целям первого определения археологических памятников и отдельных находок.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ ПЕРВОГО УРАЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ.

1. *Б. Д. Ананьин*. Молотовск. обл. музей, директор и зав. отделом природы.
2. *Ф. А. Андерсон*. Молотовск. университет, доцент, кандидат исторических наук.
3. *А. П. Анисимов*. Кудымкарский Коми-Пермяцкий окружной музей, зав. отд. истории.
4. *М. А. Бадер*. Молотовск. университет.
5. *О. Н. Бадер*. Молотовск. ун-т, доцент, кандидат историч. наук.
6. *Е. М. Берс*. Свердловск. ун-т, ассистент, зав. кабинетом археологии Урала.
7. *В. П. Бирюков*. Шадринск, краевед.
8. *Г. Я. Бисеров*. Молотов.
9. *П. С. Богословский*. Молотовск. ун-т, профессор.
10. *П. Борцов*. Молотовск. ун-т, студент.
11. *Ю. К. Ботов*. Молотовск. ун-т, студент.
12. *А. И. Букирев*. Молотовск. ун-т, ректор.
13. *О. А. Бухановская*. Молотовск. ун-т, студент.
14. *А. Н. Ванышев*. Молотовск. ун-т, студент.
15. *А. К. Воронихин*. Кунгурский музей, директор.
16. *М. А. Генкель*. Молотовск. Пед. институт.
17. *Ф. С. Горовой*. Молотовск. ун-т, доцент, кандидат историч. наук.
18. *Г. А. Дудина*. Молотовск. ун-т, студент.
19. *А. А. Еремин*. Молотовск. ун-т, декан ист-фил. факультета, кандидат филологич. наук.
20. *И. Житкова*. Свердловск. ун-т, студент.
21. *Г. А. Замятин*. Молотовск. Пед. институт и ун-т., профессор, доктор исторических наук.
22. *П. З. Засекин*. Тюменский обл. музей, зав. отд. истории.
23. *М. М. Захватова*. Молотовск. ун-т, студент.
24. *А. В. Збруева*. Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР, старш. научн. сотрудник, кандидат исторических наук (Москва).
25. *Я. С. Зингер*. Нижне-Тагильский Учительский институт, преподаватель истории.
26. *Е. П. Ифлянд*. Молотовск. ун-т, учёный секретарь.
27. *М. Калмыков*. Молотов, 37 ср. школа, учащийся.
28. *Н. И. Конюхова*. Молотовск. ун-т, студент.
29. *В. Кикиморина*. Свердловск. ун-т, студент.
30. *Н. П. Кипарисова*. Нижне-Тагильский музей, зав. подотделом археологии.
31. *Р. Д. Кормина*. Свердловск. ун-т, студент.
32. *С. А. Куклин*. Молотовск. Обл. исполком.
33. *Л. Н. Лелюхов*. Кунгур, краевед.
34. *О. Г. Максимович*. Молотовск. ун-т, преподаватель.
35. *Л. Ф. Малафеев*. Молотовск. ун-т, студент.
36. *Т. А. Медведева*. Молотовск. ун-т, студент.
37. *Ф. Е. Мельников*. Молотовск. ун-т, доцент, кандидат историч. наук.
38. *Р. В. Мерцлин*. Молотовск. ун-т, проректор по научной работе.
39. *А. Г. Милицина*. Молотовск. обл. музей, зав. отделом истории.
40. *А. В. Нецветаев*. Очёр, зав. станцией юннатов.
41. *С. Ф. Николаев*. Молотов, корреспондент редакции газеты „Звезда“.
42. *Г. Ф. Оборина*. Молотовск. обл. музей, художник.
43. *В. А. Оборин*. Молотов, 37 ср. школа, учащийся.
44. *А. П. Окладников*. Ленинградск. отдел. Института Истории Материальной Культуры Академии Наук, старш. научн. сотрудник, доктор исторических наук.
45. *А. А. Гарфёнова*. Молотовск. ун-т, студент.
46. *В. В. Плешков*. С. Култаево Молотовск. обл., Н. С. Ш., директор.
47. *В. В. Плешков*. Молотов, 37 ср. школа, учащийся.
48. *К. В. Сальников*. Свердловск. ун-т, старший преподаватель.
49. *С. И. Сметанин*. Молотовск. ун-т, студент.

50. *И. А. Талицкая*. Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР, научный сотрудник.
51. *Н. А. Теплоухова*. Молотовск. обл. станция юннатов.
52. *Т. А. Трофимова*. Институт Этнографии Академии Наук СССР, старш. научн. сотрудник, кандидат биологич. наук.
53. *Д. М. Удимов*. Соликамский музей, директор.
54. *А. Н. Фадеев*. Молотовск. ун-т, студент.
55. *А. Я. Фадеев*. Молотовск. ун-т, студент.
56. *Л. Н. Фомина*. Молотовск. ун-т, студент.
57. *В. Н. Чернецов*. Институт Истории Материальной Культуры Академии Наук СССР, старший научн. сотрудник, кандидат историч. наук.
58. *П. Н. Чирвинский*. Молотовск. ун-т, профессор, доктор геолого-минералогических наук.
59. *М. В. Чирвинская*. Молотов
60. *Р. В. Чубарова*. Молотовск. ун-т, студент.
61. *А. К. Шарц*. Молотовск. ун-т, старший преподаватель.
62. *М. В. Шварёв*. Молотов, краевед.

Технический редактор *А. Казанцев*.

Подписано к печати 27 ноября 1948 г.

ЛБ 22461

печатных листов 3 $\frac{1}{2}$
1948—231

Тираж 500

БЕСПЛАТНО